



Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Материалы III международной научно-практической
конференции 5–6 ноября 2012 года

Пенза – Прага
2012

УДК 36
ББК 60.5

С 56 Современные тенденции развития мировой социологии:
материалы III международной научно-практической конференции 5–6 ноября
2012 года. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012 –
116 с.

Редакционная коллегия:

Найденова Людмила Ивановна, доктор социологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии;

Кашпарова Ева, доктор философских наук, научный сотрудник кафедры психологии и социологии управления Высшей школы экономики в Праге;

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей, в которых отражены актуальные подходы и методы исследования общества. В ряде материалов сборника рассматриваются явления и процессы социально-экономической и социально-политической жизни, эволюция социальных институтов, социальные проблемы семьи, женщин, детей и престарелых. Некоторые статьи посвящены вопросам интеграции обществ, миграции и демографии.

ISBN 978-5-91990-044-3

УДК 36
ББК 60.5

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Кукарников Д. Г. К вопросу о сущности социальной теории и её типах.....	6
Восковщук Н. П. Возможности системного подхода к исследованию социального развития российского общества.....	11
Бабич Н. С. Иерархические агломеративные алгоритмы кластер-анализа в исследованиях социальной стратификации: проблема адекватности модельных предположений	14
Дягилева Н. С. Возможности визуального метода в исследовании городской идентичности	20

II. ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВА, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Антипов М.А. Постсовременность: деинституционализация или новый институциональный порядок?	24
Муха В. Н., Литовка В. А. Влияние социальных институтов на процесс формирования социальной идентичности.....	27
Бесчасная А. А. О современных тенденциях трансформации семьи.....	34
Охлопкова Я. В. Социальные проблемы молодой семьи	36
Восковщук Н. П. Равноправные сегодня или угнетённые всегда?	38
Жиркова С. К. Социальные проблемы детей с ограниченными возможностями	41
Григорова З. Н., Бомштейн М. М. Проблемы социальной адаптации детей младшего подросткового возраста, воспитывающихся в детском доме	43
Петрова А. П. Социальные условия организации ювенальной юстиции в республике Саха (Якутия).....	49
Navrátil P., Bajer P. Social construction of social work identity in the processes of its institutionalisation.....	51

III. ОБЩЕСТВО РИСКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Чусова Т. О. Современное общество как общество риска	57
Щекотин Е. В. Безопасность как базовый критерий управления качеством жизни в обществе риска.....	59
Дорошин Б. А. Танцующий медведь как социоантропокосмический символ и репрезентация архетипа Трикстера	63
Лакизюк О. Н. Роль академических стажировок за рубежом в формировании национальных элит: влияние на общественные сферы и репатриация	69
Смола Н. В. Социальные установки к трудовой деятельности у студенческой молодежи.....	80
Степанова А. Е. Перспективы развития труда западной и южной Якутии	86
Петренко Н. В. Роль предпринимательства в социально-экономическом развитии региона	89
Трофимова М. М. Поддержка малого предпринимательства: региональный аспект	91

IV. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ, МИГРАЦИОННЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Мельситов В. В., Тужба Э. Н. Особенности российско-беларусских интеграционных процессов.....	93
Сизых Т. А. Основные тенденции внутрирегиональной миграции населения на примере США и республики Саха (Якутия).....	98
Колударова С. В. Демографические последствия браков с иностранцами для России	100

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2013 году.....	103
Информация о журнале «Социосфера».....	109
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	114

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ЕЕ ТИПАХ

Д. Г. Кукарников
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. This article deals with the most important sociological and socio-philosophical theoretical research community. Through the analysis of the main types of social theory, the author tries to answer the question: «What is the social theory, what it should do and how it should design their conclusions?»

Key words: social theory; sociological theory; evaluative theory; interpretative social theory; social reality; methodological basis; social methodology.

Анализ различных моделей общественного развития, получивших широкое распространение в концепциях современной западной социальной науки, позволяет выделить целый массив теорий, составляющих то, что принято обозначать термином «modern social theory» [8]. Это и структурный функционализм, и «драматургический подход», и этнометодология, и феноменологическая социология, и теория структуризации, и критическая теория общества, и некоторые другие подходы. Наряду с достаточно полно исследованными в отечественной социально-философской литературе формационным, цивилизационным и стадийно-технологическим подходами перечисленные концепции образуют своего рода мозаичную картину состояния современных теоретических исследований, посвященных проблемам общества.

Разобраться во всем многообразии существующих теорий, выявить в них социально-философское содержание представляется достаточно сложным без обращения к анализу самого термина «социальная теория» и широкого корпуса методологических проблем на стыке социальной философии и философии социально-гуманитарных наук.

В данной статье мне хотелось бы акцентировать в первом приближении вопрос о типах социальной теории. Естественно, что это лишь самый первый пункт рассуждений в попытке ответить на фундаментальный вопрос, решить который пытается уже не одно поколение исследователей: «Что есть социальная теория, чем она должна заниматься и как она должна конструировать свои выводы?»

В западной литературе термин «социальная теория» используется в четырех основных значениях. В самом общем смысле – это

«коллективное имя для всех социальных наук (экономика, политическая теория, социальная психология, культурная антропология, история и т. д.)» [7, с. 73]. Другой смысл – неспециальный – вкладывается в данный термин, когда идет речь о макроскопических теориях общества (социально-концептуальной рефлексии) таких авторов, как К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас, Э. Гидденс. Третий смысл (П. К. Гречко именуется его «специальным») – социальная теория как академическая дисциплина, предметно самостоятельная относительно частных социальных наук. И, наконец, четвертое значение термина «социальная теория», весьма широко используемое, – это синоним термина «социологическая теория общества», или более кратко «социологическая теория». Об этом последнем значении хотелось бы сказать более подробно.

Социальная теория в рамках социологического знания, как правило, рассматривается как некая парадигма, концептуальная модель или как способ целостного видения мира социального, как совокупность регулятивных идей о характере и механизмах развития социальной реальности [2; 3]. На наш взгляд, можно говорить о существовании нескольких версий социальных теорий-парадигм подобного типа: структурно-функциональной, социально-конфликтной, структуралистской, символически-интеракционистской, социально-феноменологической, этнометодологической, коммуникативной, интерпретативной [1].

Ю. М. Резник полагает, что по своей функциональной направленности социальные теории делятся на три основных класса. Во-первых, это – онтологические теории, которые пытаются объяснить социальный мир; они, по его мнению, имеют полипарадигмальный и междисциплинарный статус. К данному классу теорий относятся позитивизм, эволюционизм, структурализм, функционализм и т. п. Социальные теории этого типа занимаются построением картин социального мира, различаясь между собой отношением субъекта и объекта познания.

Позитивистски ориентированные социальные теории «базируются на представлении о том, что результатом научной деятельности является объективное знание о социальной реальности, так как люди являются «предметами», поведение которых можно контролировать, например, в целях эксперимента» [10, с. 63]. Отсюда вытекают практические варианты таких теорий – социальная инженерия, социальные технологии, технологии управления и др. Другие теории этого же типа изучают индивидуальные и коллективные представления людей о социальном мире, основывая свои выводы на обобщении их первичных установок и базовых ориентаций.

Во-вторых, это – практически-ориентированные и валюативные теории. Они стремятся сохранить или изменить социальный мир в соответствии с определенными идеалами и ценностями (теории

либерализма, консерватизма, социализма, социал-демократизма и т.п.). Теории данного типа – «это не только ценностно-ориентированная система знания, но и институциональная форма общественного движения интеллектуалов, движения, которое имеет вполне определенное идеологическое содержание» [10, с. 63–64].

Эта группа социальных теорий ориентирована на построение моделей, связанных с достижением тех или иных социально-политических идеалов. К их числу могут быть отнесены теории «устойчивого развития общества», «социального государства», «wellfare state» (государство всеобщего благоденствия).

Во второй половине XX века начинают складываться предпосылки для формирования третьего типа социальной теории, интегрирующей в себе онтологические модели и идеи переустройства общества на новых концептуальных и методологических основаниях. К такого рода теориям относятся теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, рефлексивная теория А. У. Гоулднера, теория структуризации Э. Гидденса. По мнению А. Гоулднера, одна из основных задач социальной теории состоит в стремлении символически преодолеть социальный мир, который стал несанкционированным, и исправить нарушенную взаимосвязь между добром и силой, восстанавливая их «нормальное» состояние равновесия, и / или защищать санкционированный мир от угрозы нарушения равновесия между добром и силой [6, с. 542].

Он полагает, что любой социальной системе присущи два способа, ограничивающие независимость позиции социального исследователя: превращение его в идеолога (апологета) ее политики или же низведение его деятельности к инструментальному исполнению ее интересов. Главное условие заключается в том, что социальный исследователь должен принять образ или картину социальной реальности, которая поддерживается правящей элитой. Подобная позиция характеризуется А. Гоулднером как предательство фундаментальных целей социальной науки; в качестве оппозиции предлагается развитие рефлексивной социальной теории, которая представляет собой не просто радикальную критику существующих политических доктрин (любой направленности) правящей элиты, но и обоснование позитивной программы обновления общества.

В отечественной литературе термин «социальная теория» используется по крайней мере в пяти основных значениях:

- 1) социальная теория как социально-философская теория;
- 2) социальная теория как социологическая теория;
- 3) социальная теория как любая теория в исследовательском поле социальных наук;
- 4) социальная теория как теория социальной работы и теория социальной сферы;

5) социальная теория как междисциплинарная синтетическая теория, обобщающая основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками.

Среди этих значений наиболее распространенными являются второй и пятый смыслы термина «социальная теория» (как социологическая теория и как междисциплинарная теория); реже о социальной теории идет речь в первом и третьем значениях (как социально-философская теория и как любая теория в исследовательском поле социальных наук); и, наконец, совсем уж оригинально будет употреблять это понятие в значении «теория социальной работы и теория социальной сферы».

Остановимся более подробно на использовании термина «социальная теория» в первом значении – как социально-философской теории. Такого рода теория разрабатывается в рамках социальной философии и социально-философского знания. Э. Гидденс замечает в данной связи: «"Социальная философия" подразумевает анализ широко распространенных философских проблем, но не является философией в полном смысле этого слова. В отрыве от философии общественные науки утрачивают всякий смысл» [5, с. 11].

Вместе с тем, на наш взгляд, при всей важности социально-философских идей для социальных наук не следует отождествлять социально-философскую и социальную теорию. К примеру, Ю. М. Резник предлагает выделять в социальной теории социальную онтологию и социальную эпистемологию, полагая, по сути дела, что между социальной теорией и социально-философской теорией нет никакой разницы. Ему возражает А. М. Орехов, считающий, что в социальной теории социальная эпистемология должна быть заменена социальной методологией, а место социальной онтологии должен занять некий концептуальный каркас, отражающий идеально-нормативную структуру социальной теории [9, с. 84].

Какие аргументы можно привести в защиту тезиса о разведении социальной и социально-философской теории?

Первый аргумент в поддержку данного тезиса заключается в том, что социальная и социально-философская теории различаются по уровню обобщения и «категориальному» наполнению теории. В том случае, когда исследователь прибегает к наивысшему уровню обобщения и использует философские категории, можно вести речь о том, что он работает в рамках социально-философской теории. Однако если исследователь применяет общенаучные категории, а уровень его концептуальных обобщений не претендует на то, чтобы быть философским, уместнее вести речь о социальной теории.

Второй момент, который следует отметить, связан с тем, что социальная и социально-философская теория могут совпадать, но могут и не совпадать. Если определять социальную философию как учение о предельных основаниях общества (хотя существуют раз-

личные точки зрения по данному вопросу), то теория, исходящая из такого понимания предмета социальной философии и имеющая научную ориентацию и характер, может в равной степени именоваться и социальной и социально-философской. Однако же в том случае, когда в каком-либо учении отсутствуют такие, например, моменты, как апелляция к эмпирическому опыту и доказательность, то вряд ли будет уместно утверждать, что мы имеем дело с социальной теорией.

Наконец, нельзя игнорировать тот факт, что социальная теория и социально-философская теория различаются по своей функциональной направленности. Главная функция социально-философской теории – обобщение, главная функция социальной теории – функция синтеза. Обобщение – операция в большей мере логически-механическая, и чаще всего для того, чтобы стать креативной, она дополняется личным, персональным вовлечением индивидуального философского мышления в процесс обобщения, а также конструированием подходящих под это вовлечение норм и ценностей. Синтез, в отличие от обобщения, – это не просто логический метод, это – научный логический метод, он требует соблюдения всех основных критериев научности: доказательности, непротиворечивости, простоты, эвристичности, опоры на эксперимент и эмпирический опыт. Именно поэтому социальную теорию от теории социально-философской в гораздо большей степени отличает позитивистская в целом ориентированность, гораздо более жесткое следование идеалам и нормам научного знания.

В заключение хотелось бы кратко коснуться третьего из перечисленных значений термина «социальная теория» – как обозначения любой теории в исследовательском поле социальных наук. Этот смысл предполагает весьма нестрогое использование тех или иных концептов в своих работах: именно в таком смысле используется термин «социальная теория» в курсах общеобразовательных учреждений типа «Обществознание», «Обществоведение». Нестрогий подход к понятию «социальная теория» характерен также для некоторых исследователей, прежде всего, постмодернистской ориентации. К примеру, американский автор Чарльз Лэмэрт так определяет термин «социальная теория»: «Социальная теория, следовательно, есть *просто словесное обозначение для любого разговора о социальном мире* (курсив наш – Д. К.), разговора, вырастающего из повседневных знаний, минимум которых нам необходим, чтобы мы оказались способны избежать социальной деструкции» [4, с. 12].

На наш взгляд, наиболее адекватным социальной реальности, для исследования которой, собственно, и создаются теории, является социальная теория, понятая как междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые в области социальных наук, и конструирующее на этом

фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности.

Библиографический список

1. Bernstein R. J. The Restructuring of Social and Political Theory. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. – 286 p.
2. Callinicos A. Social Theory. – Cambridge : Polity Press, 1999. – 288 p.
3. Cohen P. Modern Social Theory. – London : Heinemann, 1987. – 412 p.
4. Lemert C. Social Theory: Its Uses and Pleasures // Social Theory: the Multicultural and Classical Readings. – Boulder, 1999.
5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М. : АСТ, 2003.
6. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. – СПб. : Наука, 2003.
7. Гречко П. К. Социальная теория: проблема дисциплинарного статуса // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8. – Вып. 4 (32).
8. Кукарников Д. Г. Теория общества в XX веке: От Парсонса до Гидденса. – Воронеж : Изд-во Воронежского госуниверситета, 2006.
9. Орехов А. М. Социальная теория: к проблеме самоопределения и структуры // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8. – Вып. 4 (32).
10. Резник Ю. М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8. – Вып. 1 (29).

ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н. П. Восковщук
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. The contemporary sociology is characterized by a variety of approaches to research of society development. If the society is considered as a constantly – changing (moving) socio-economic system, so the system approach has the most theoretical interoperability and practical potency. The systems analysis of socio-economic processes of social existence is the key component of system approach.

Key words: system approach; research of society development.

Современная социология характеризуется множеством подходов к исследованию развития общества. Если рассматривать общество как социально-экономическую систему, находящуюся в постоянном движении, то наибольшей теоретической операбельностью и практической результативностью обладает системный подход. Ключевым его компонентом является системный анализ социальных и экономических процессов общественного бытия.

По мнению С. В. Сливы, «системный анализ может быть представлен в качестве совокупности трех взаимосвязанных исследовательских векторов функционального, структурного и эволюционного анализа» [1, с. 214–220.] Функциональный анализ позволяет выявить социальные ресурсы развития общества. Структурный анализ дает возможность оценить социально-пространственную организацию общества. С помощью эволюционного анализа обнаруживаются возвратно-поступательные тенденции социальных процессов в обществе.

Основным социальным ресурсом развития современного общества является человеческий капитал, а именно совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Термин «человеческий капитал» впервые появился в работах Теодора Шульца, экономиста, интересовавшегося трудным положением слаборазвитых стран. Шульц заявлял, что улучшение благосостояния бедных людей зависело не от земли, техники или их усилий, а, скорее, от знаний. Шульц, получивший Нобелевскую премию в 1979 году, предложил следующее определение: «Все человеческие способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» [2, с. 26–28]. Одним из главных условий повышения конкурентоспособности государства и отдельных его регионов в современных условиях является необходимость осуществления эффективных вложений в подготовку квалифицированного персонала. В самом общем виде все вложения в человека, которые осуществляются с целью повышения квалификации, приобретения новых знаний, умений, навыков, сохранения его здоровья, рассматриваются как инвестиции в человеческий капитал.

Социально-пространственная организация современного общества характеризуется концентрацией социального благополучия (неблагополучия). Социальное благополучие – антипод бедности, которая стала в нашей стране одной из наиболее злободневных проблем. Среди факторов, повлиявших на быстрый рост уровня бедности населения в России, можно назвать сокращение занятости, резкое снижение трудовых доходов, массовую безработицу, вызванную социально-экономическими реформами, неэффективную систему социальной защиты населения, низкие доходы и так далее. В Конституции РФ записано, что все ветви власти имеют главную цель – повышение благосостояния населения, но нет федерального закона, определяющего суть благосостояния. Для обеспечения достойной жизни человеку требуется широкий набор благ, посредством использования которых и достигается необходимый уровень суще-

ствования. Это показатели, которые, по мнению специалистов, являются определяющими в оценке благосостояния той или иной страны. К ним можно отнести уровень дохода (или ВВП) на душу населения (самый главный фактор); степень удовлетворенности системой здравоохранения страны; степень соблюдения разных гражданских свобод; уровень безработицы; комфорт семейной жизни; климатические условия; политическая стабильность и безопасность; степень выраженности равенства полов; уровень развития общественной жизни. Именно эти показатели оказывают наибольшее влияние на оценку качества жизни и степень удовлетворенности ею в той или иной стране.

Эволюционные процессы в социальной сфере общества связаны с периодическими колебаниями социальной активности. «Неравнодушие ко всему, что происходит вокруг, заинтересованность событиями не только рядом, в производственном коллективе, но и поселке, городе, деревне, и стране, во всем мире, неравнодушие, сказывающееся во всем поведении личности в ее труде, опыте, в общественной работе и в отношениях с друзьями, – это и есть социальная активность» [3, с. 54].

Российское общество обладает масштабным и одновременно качественным человеческим капиталом. В частности, по данным Федеральной службы государственной статистики, число образовательных учреждений составляет 99490 (в том числе дошкольные, общеобразовательные учреждения, учреждения начального и среднего профессионального образования, высшие учебные заведения), число выданных патентов на изобретения составляет 29999.

Однако социальное благополучие в России характеризуется и неравномерностью. Наиболее благополучными регионами РФ являются город Москва и Московская область, республика Саха, республика Коми, Ямало-ненецкий округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Камчатский край, Чукотский автономный округ. Неблагополучие социальное и экономическое характерно для Иркутской области, Кемеровской области, Забайкальского края, Алтайского края, республики Тыва, Курганской области, Чувашской республики, Тамбовской, Орловской, Костромской областей, а также Ивановской и Брянской [4].

Социальная активность населения России резко активизировалась в последние годы, что проявилось в широком распространении гражданского общества. Это видно на примере проводимых общественных акций и движений: шествие против фашизма и неонацизма, объединившее людей, готовых сказать фашизму «нет!»; российское Монархическое общественное просветительское Движение; межрегиональное общественное движение «Семья, любовь, Отечество»; общественное движение «Путь России», целью которого является гармонизация благополучия своего «Я», Семьи, Рода, Общества,

Народа, Родины, Природы, Планеты, предназначение нам во Вселенной места; а также различные акции, митинги, касающиеся сохранения памятников архитектуры, природы и так далее. По мнению В. М. Мамонова, «...именно вопросы демократии и соблюдения прав человека отличаются протестной интенсивностью» [5, с. 6].

Таким образом, использование приема системного анализа позволяет выявить социальные аспекты функционального, структурного, эволюционного развития российского общества.

Библиографический список

1. Слива С. В. Экономическая система как объект исследования современной экономической теории // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9. – С. 214–220.
2. Shultz T. Investment in Human Capital. – N.Y., London, 1971. – P. 26–28.
3. Жилина Л. Н., Фролова Н. Т. Проблемы потребления и воспитание личности. – М. : Мысль, 1969. – С. 54.
4. Федеральная Служба государственной статистики РФ // Россия в цифрах. – 2012.
5. Мамонов В. М. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 1. – С. 6.

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ АГЛОМЕРАТИВНЫЕ АЛГОРИТМЫ КЛАСТЕР-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ МОДЕЛЬНЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ¹

Н. С. Бабич

Институт социологии РАН, г. Москва, Россия

Summary. This article discusses the application of cluster analysis in the research of social stratification. It shows that some of the general principles of agglomerative algorithms may be in conflict with the assumptions underlying stratification models.

Key words: social stratification; cluster analysis; hierarchical agglomerative algorithms.

В современной статистике под термином «кластерный анализ» понимают широкую совокупность достаточно разнородных, хотя и объединенных общей идеей статистических методов, предназначенных для автоматизированной группировки наблюдений в однородные относительно какого-то показателя классы (кластеры). Входными данными для таких группировок обычно служат матрицы близости – квадратные таблицы, в которых представлены меры

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-31115.

различия или сходства между всеми возможными парами объектов в многомерном пространстве признаков.

Для значительной части исследований социальной стратификации кластерный анализ представляет собой наиболее органичный подход к обработке данных, поскольку его результатом является разделение наблюдений на группы, которые могут быть сравнительно легко интерпретированы как страты в том случае, если в основание классификации положены критерии социального неравенства. Однако использование алгоритмов кластеризации сопряжено и с существенными проблемами. Во-первых, кластерный анализ представляет собой широкий набор процедур, логические и математические основания которых сильно отличаются. Во-вторых, набор алгоритмов, называемый «кластерным анализом», почти целиком и достаточно поздно заимствован социологами¹ [1]. Он был предложен и развился в рамках практических приложений других наук, и только после этого вошел в практику социологических исследований. В связи с этими обстоятельствами возникает необходимость контроля применимости различных процедур кластер-анализа в исследованиях конкретных проблем. В настоящей работе будет проведен предварительный логико-методологический анализ совместимости модельных предположений иерархических агломеративных алгоритмов – одной из разновидностей кластерного анализа – с задачами изучения социальной стратификации.

Иерархические агломеративные алгоритмы представляют собой один из наиболее популярных типов кластерного анализа, тот или иной их набор содержится во всех статистических пакетах общего назначения и активно применяется научным сообществом, в том числе в исследованиях социальной стратификации. Так, в индексированной научные статьи поисковой системе Google Scholar (<http://scholar.google.com>) поисковый запрос, имеющий структуру «точная фраза "hierarchical clustering" ИЛИ точная фраза "hierarchical cluster" И точная фраза "social stratification"» возвращал 306 результатов по состоянию на 10.10.2012.

Кластеризация в иерархических агломеративных алгоритмах начинается с отнесения каждого объекта в свой отдельный кластер. Затем наиболее близкие в заданном смысле кластеры попарно объединяются в более крупные, образуя вложенные друг в друга классы. На последнем шаге вся совокупность рассматривается как один кластер. За время существования кластерного анализа было предложено множество алгоритмов, но мы в своем анализе остановимся только на тех, которые включены в последние версии, по крайней мере, одного из популярных пакетов статистического анализа (та-

¹ Bailey K. D. Cluster analysis // Sociological methodology / ed. By D. R. Heise. – San Francisco : Jossey-Bass, 1975. – P. 59–128.

ких как SPSS, Systat, Minitab, S-Plus, Stata, Statistica, SAS, Statgraphics).

Метод одиночной связи (ближайшего соседа)

Расстояние между двумя кластерами определяется как минимальное из всех расстояний между наблюдениями, взятыми попарно из одного и второго кластера. На первом шаге каждый объект рассматривается как отдельный кластер, на последнем вся выборка объединяется в один кластер. По-видимому, метод был впервые предложен группой польских исследователей¹ [2] и впоследствии открыт заново независимо друг от друга Снитом² [3] и МакКвитти³ [4].

Метод полной связи (дальнего соседа)

Метод, описанный еще в 1948 году⁴ [5], как следует из его названия, представляет собой противоположность предыдущему. Расстояние между двумя кластерами определяется как максимальное из всех расстояний между наблюдениями, взятыми попарно из одного и второго кластера.

Метод невзвешенной средней связи (UPGMA)

Объединение кластеров по этому правилу было предложено Сокалом и Миченером в одной из пионерских работ в области кластерного анализа⁵ [6] в качестве средства преодоления недостатков методов одиночной и полной связи. Правило заключается в том, что на очередном шаге иерархической процедуры сливаются те наборы объектов, для которых наблюдается минимальное среднее расстояние между всеми парами объектов в них.

Метод взвешенной средней связи (WPGMA, метод МакКвитти)

Метод был впервые рассмотрен Сокалом и Миченером вместе с предыдущим, но получил широкую известность (особенно в соци-

¹ Florek K., Łukaszewicz J., Perkal J., Steinhaus H. & Zubrzycki S. Sur la liason et la division des points d'un ensemble fini // Colloquium Mathematicum. – 1951. – № 2. – P. 282–285.

² Sneath P. H. A. The Application of Computers to Taxonomy // Journal of General Microbiology. – 1957. – № 17. – P. 201–226.

³ McQuitty L. L. Elementary Linkage Analysis for Isolating Orthogonal and Oblique Types and Typal Relevancies // Educational and Psychological Measurement. – 1957. – № 17. – P. 207–229.

⁴ Sorensen T. A Method of Establishing Groups of Equal Amplitude in Plant Sociology Based on Similarity of Species Content and Its Application to Analyses of the Vegetation on Danish Commons // Biologiske Skrifter. – 1948. – № 5. – P. 1–34.

⁵ Sokal R. R. & Michener C. D. A Statistical Method for Evaluating Systematic Relationships // The University of Kansas Scientific Bulletin. – 1958. – Vol. 38. – Pp. 1409–1438.

альных науках) после независимой работы МакКвитт¹ [7]. Разница с невзвешенной средней связью состоит в том, что здесь в качестве весового коэффициента используется число объектов, содержащихся в кластере. Это позволяет использовать метод при наличии предположения о кластерах разных размеров.

Метод средней внутрикластерной связи

Этот метод основан на предложенном Андербергом² [8] правиле объединения, суть которого состоит в подсчете среднего расстояния для всех пар объектов не только между кластерами, но и внутри них. Расстояние между кластерами А и Б оценивается по тому, каково будет среднее расстояние между всеми объектами в объединенном кластере АБ. Наиболее близкие в этом смысле подгруппы объединяются на очередном шаге иерархической кластеризации. Из принципа действия ясно, что метод средней внутрикластерной связи позволяет получить сравнительно гомогенные группы объектов.

Метод невзвешенных центроидов (UPGMC)

Расстояние между кластерами рассматривается как расстояние между их центроидами – наборами средних арифметических всех переменных³ [9].

Метод взвешенных центроидов (WPGMC, метод медиан)

Предназначен для случаев, когда имеются основания предполагать большие различия в величине кластеров. Отличается от предыдущего метода тем, что расстояние между кластерами рассчитывается для их центроидов, взвешенных с учетом размера каждого кластера⁴ [10].

Метод Уорда

Метод, предложенный Дж. Уордом в 1963 году⁵ [11], основывается на модели дисперсионного анализа. Он объединяет пары кластеров по следующему принципу:

– сначала для каждого кластера вычисляется среднее значение каждой переменной;

¹ McQuitty L. L. Similarity Analysis by Reciprocal Pairs for Discrete and Continuous Data // Educational and Psychological Measurement. – 1966. – № 26. – P. 825–831.

² Anderberg M. R. Cluster Analysis for Applications. – New York : Academic Press, 1973. – P. 139.

³ Sokal R. R. & Michener C. D. A Statistical Method for Evaluating Systematic Relationships // The University of Kansas Scientific Bulletin. – 1958. – Vol. 38. – P. 1409–1438.

⁴ Gower J. C. A Comparison of Some Methods of Cluster Analysis // Biometrics. – 1967. – № 23. – P. 623–637.

⁵ Ward J. Hierarchical Grouping to Optimize an Objective Function // Journal of the American Statistical Association. – 1963. – № 301. – P. 236–244.

– затем подсчитывается сумма квадратов евклидовых расстояний от отдельных наблюдений, принадлежащих данному кластеру, до кластерного среднего;

– объединяется та пара кластеров, при слиянии которой получается наименьший прирост общей суммы квадратов расстояний.

Гибкая стратегия

Даже из краткого обзора иерархических агломеративных методов легко увидеть, что их отличия в основном сводятся к способу определения расстояния между кластерами (или кластерами и объектами). Ланс и Уильямс в 1967 году предложили формулу, обобщающую ряд таких способов¹ [12].

$$d_{hk} = \alpha_i d_{hi} + \alpha_j d_{hj} + \beta_{ij} + \gamma d_{hi} - d_{hj} ,$$

где d_{hk} – расстояние между кластером или объектом h и кластером k , причем k является результатом объединения кластеров или объектов i и j . А α , β и γ – параметры, которые определяют конкретный вид группировки. Например, в методе одиночной связи они принимают следующие значения² [13]: $\alpha_i = \alpha_j = 1/2$, $\beta = 0$, $\gamma = -1/2$. Очевидно, что на основе анализа формулы Ланса – Уильямса можно делать выводы о модельных предположениях, лежащих в основе всего достаточно широкого класса иерархических агломеративных алгоритмов.

Первая из существенных особенностей агломеративного кластерного анализа, которые отражены в формуле Ланса-Уильямса, состоит в формальной равноценности критериев стратификации на всех шагах алгоритма. Одна и та же формула с заданными коэффициентами работает для каждого присоединения объекта к кластеру или кластеров друг к другу. Но эта равноценность является достаточно сильным предположением, необязательно выполняющимся в системах социальной стратификации. Так, на каком-то уровне финансового благосостояния может упасть значимость финансового капитала как стратифицирующего признака и возрасти значимость капитала социального или культурного. Но их вклад в определение расстояний между кластерами формально останется неизменным.

Основным из основных предположений является также то, что расстояния до объединенного кластера определяются исходя из расстояний до объединившихся частей (i и j в формуле), то есть иерархически организованные классификации оказываются вложенными

¹ Lance G. N. & Williams W. T. A General Theory of Classificatory Sorting Strategies. I. Hierarchical Systems // Computer Journal. – 1967. – № 1. – P. 373–380. См. также Уильямс У. Т., Ланс Д. Н. Методы иерархической классификации // Статистические методы для ЭВМ / под ред. М. Б. Малютова. – М. : Наука, 1986. – С. 269–301.

² Мандель И. Б. Кластерный анализ. – М. : Финансы и статистика, 1988. – С. 70–71.

друг в друга. Хотя такая схема математически привлекательна, ее практическим следствием является то, что оказывается непредусмотренной возможность слияния страт на одном из уровней иерархии. Например, теоретически возможна следующая схема стратификации: правящий класс делится на аристократию и буржуазию, аристократия делится на родовое земельное и жалованное дворянство, буржуазия делится на собственно предпринимательскую и государственно-монополистическую части. Очевидно, что во многих отношениях государственно-монополистическая буржуазия может быть объединена с классом жалованного дворянства в одну страту. Что является нарушением логики, заложенной в иерархической кластеризации.

Близко к обозначенным проблемам и то обстоятельство, что иерархические агломеративные алгоритмы, как большинство методов кластер-анализа, направлены на выделение непересекающихся классов, что входит в прямое противоречие со многими эмпирическими фактами в области социальной стратификации, такими как делящаяся мобильность (незавершенный переход из одной страты в другую), браки между представителями разных страт, явления ассимиляции, маргинальные группы и т. п.

Таким образом, логический анализ только некоторых модельных предположений, лежащих в основе популярных алгоритмов кластер-анализа, демонстрирует их потенциальную несовместимость с задачами исследований социальной стратификации. Это означает необходимость дальнейших разработок в этой области, в которых были бы четко очерчены границы применения кластерных алгоритмов и их возможности внутри этих границ.

Библиографический список

1. Bailey K. D. Cluster analysis // Sociological methodology / ed. by D. R. Heise. – San Francisco : Jossey-Bass, 1975. – P. 59–128.
2. Florek K., Łukaszewicz J., Perkal J., Steinhaus H. & Zubrzycki S. Sur la liason et la division des points d'un ensemble fini // Colloquium Mathematicum. – 1951. – № 2. – P. 282–285.
3. Sneath P. H. A. The Application of Computers to Taxonomy // Journal of General Microbiology. – 1957. – № 17. – P. 201–226.
4. McQuitty L. L. Elementary Linkage Analysis for Isolating Orthogonal and Oblique Types and Typal Relevancies // Educational and Psychological Measurement. – 1957. – № 17. – P. 207–229.
5. Sorensen T. A Method of Establishing Groups of Equal Amplitude in Plant Sociology Based on Similarity of Species Content and Its Application to Analyses of the Vegetation on Danish Commons // Biologiske Skrifter. – 1948. – № 5. – P. 1–34.
6. Sokal R. R. & Michener C. D. A Statistical Method for Evaluating Systematic Relationships // The University of Kansas Scientific Bulletin. – 1958. – Vol. 38. – P. 1409–1438.

7. McQuitty L. L. Similarity Analysis by Reciprocal Pairs for Discrete and Continuous Data // Educational and Psychological Measurement. – 1966. – № 26. – P. 825–831.
8. Anderberg M. R. Cluster Analysis for Applications. – New York : Academic Press, 1973. – P. 139.
9. Sokal R. R. & Michener C. D. A Statistical Method for Evaluating Systematic Relationships // The University of Kansas Scientific Bulletin. – 1958. – Vol. 38. – P. 1409–1438.
10. Gower J. C. A Comparison of Some Methods of Cluster Analysis // Biometrics. – 1967. – № 23. – P. 623–637.
11. Ward J. Hierarchical Grouping to Optimize an Objective Function // Journal of the American Statistical Association. – 1963. – № 301. – P. 236–244.
12. Lance G. N. & Williams W. T. A General Theory of Classificatory Sorting Strategies. I. Hierarchical Systems // Computer Journal. – 1967. – № 1. – P. 373–380. См. также Уиллиамс У. Т., Ланс Д. Н. Методы иерархической классификации // Статистические методы для ЭВМ / под ред. М. Б. Малютова. – М. : Наука, 1986. – С. 269–301.
13. Мандель И. Б. Кластерный анализ. – М. : Финансы и статистика, 1988. – С. 70–71.

ВОЗМОЖНОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. С. Дягилева

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Summary. The city is perceived by us visually and therefore amenable to taking photographs. Taking pictures of the city and taking pictures of myself in the city it is a way of presentation of my own, own personal meanings, subjective experience, moments of memory. In this article we will discuss the possibility of visual method in the study of the urban identity.

Key words: urban identity; visual method; photography.

Прежде чем перейти к рассмотрению возможностей визуального метода в исследованиях городской идентичности, необходимо дать определение ключевым понятиям. Под городской идентичностью понимается результат идентификации человека с конкретной городской общностью, с принятием именно ее ценностей («Я-москвичка», «Я-екатеринбуржец») в противопоставление ценностям жителей других городов. Под визуальным методом понимается метод анализа визуально доступных данных (видео, фотография). В данной статье под визуальным методом понимается метод анализа фотографий.

Основной тезис заключается в том, что с помощью анализа визуальных данных будет изучаться городская идентичность.

Говоря о возможностях фотографии отражать идентичность, можно процитировать Р. Барта, который писал: «Фотография воз-

ника как искусство Личности: ее идентичности, гражданского статуса» [2, с. 119]. Н. Ю. Захарова обобщает позицию Бурдые относительно практик фотографирования: «Ключевая норма: что подлежит фотографированию, а что нет – встроена во внутреннюю систему ценностей определенной группы. Фотографирование – ритуал воспроизводства групповой идентичности» [5, с. 155]. Таким образом, фотография – это визуальное подтверждение социальной интеракции, социальной включенности в определенную социальную группу, принадлежности ей.

Говоря непосредственно о городской идентичности, исследователи отмечают, что для того, чтобы понять «кто мы», необходимо ответить на вопрос «где мы», т. е. какова та среда, в которой осуществляется наша жизнедеятельность. Городская идентичность формируется в процессе социальных интеракций и активной деятельности, проходящей в данной среде. Можно сказать, что анализ окружающего пространства – это основа для дискуссии относительно городской идентичности.

Город наполнен визуальными образами, пространство города доступно для зрительного восприятия горожан – архитектура и памятники, дороги и транспорт, реки и парки, другие жители. Город воспринимается и оценивается визуально. Город в первую очередь – это материально-вещное пространство. Образ города в сознании горожан и его восприятие горожанами формируются окружающей городской средой, воспринимаемой визуально.

Фотографирование города и фотографирование себя в городе – это наделение личным смыслом городских пространств и событий, что позволит говорить не только об отношении к городу, но и о значимости города для его жителей. Выбор мест для фотографирования и отбор фотографий позволяет говорить о наличии пространств, соответствующих субъективным опытам и моментам памяти.

Таким образом, визуальные презентации образов городского пространства можно рассматривать как способ презентации и визуализации своего «я», собственных личностных смыслов, собственной субъектности. «Город предстает как «сцена», на которой происходит реализация индивидуального «я», пространство становится формой проживания своего «я». Тем самым пространственные образы становятся своеобразной проекцией «моего мира»» [8, с. 75].

В рамках дискурса о фотографии и визуальных социологических данных можно выделить проблему соотношения объективного (фотографирование позволяет запечатлеть реальность, как она есть на самом деле) и субъективного (фотографируемая реальность становится принципом отбора фотографа). Это отсылает к концепции фотографического опыта Р. Барта. Фотографический опыт, по Барту, складывается из разных субъектов – фотографирующего (Орега-

tor), фотографируемого (Spectrum), рассматривающего фотографии (Spectator).

В рамках исследования городской идентичности визуальными методами респондент может выступать в трех этих качествах. При этом это не будет накладывать ошибочных отпечатков на анализ изучаемого феномена. Более того, это будет только способствовать анализу. Рассмотрим подробнее.

Исследователями отмечается, что любая фотография «представляет собой автопортрет, отражающий личность фотографа, и каждый снимок содержит скрытую информацию о своем создателе» [4, с. 87]. Поэтому можно сказать, что в фотографическом образе предстает не сама реальность, как она есть, а ее представление фотографирующим [3, с. 17]. Таким образом, сфотографированные образы города, выбор мест и объектов для фотографирования (а также выведение за пределы кадра некоторых объектов) позволяют говорить о личности фотографа-горожанина как субъекта, наделяющего смысловой нагрузкой и значением фотографируемую городскую среду и отдельные ее элементы.

Фотографирование и позирование, как и создание фотографии, являются актом и попыткой самоидентификации. Роль фотографируемого, особенно если эта роль активна в процессе фотографирования, связана с «постулированием непосредственного присутствия в мире» [2, с. 127]. Фотографируемый, выступающий инициатором процесса фотосъемки, выбирает «фон», на котором хочет быть сфотографированным, позу, положение в пространстве. Таким образом он создает свой собственный образ, вписываясь в окружающий контекст: «именно Я был именно Здесь». Место фотографирования приобретает большое значение. А значит, подобные фотографии, несущие на себе отпечаток активной роли Spectrum, могут быть использованы в качестве материала для исследования городской идентичности.

В рамках исследования городской идентичности фотографии могут рассматривать два Spectatora – исследователь и исследуемый, который в процессе фотографирования выполнял функцию Operator или Spectrum. Комментирование фотографий позволит выделить в них дополнительный смысл, который возникает при фотографировании и может быть раскрыт в рассматривании. Это отсылает к концепции Барта о денотативном и коннотативном сообщении: одно из них без кода (фотографический аналог реальности), а другое с кодом, т. е. денотативное сообщение – это собственно аналог реальности, а коннотативное – это способ, которым общество в той или иной мере дает понять, что оно думает о ней [1, с. 380–382]. Это близко к тому, что называют контентным и контекстным в изображении [9, с. 8]. Таким образом, когда в роли рассматривающего выступает исследователь, он видит на фотографии денотативный срез

самой реальности, вплавленный в коннотативные коды [6, с. 58]. Рассматривание фотографий респондентом направлено на узнавание. Как замечает Е. Петровская, «узнавание – это способ включения памяти, в том числе и коллективной, как аффекта» [7, с. 38].

Таким образом, визуальный метод может быть использован при изучении городской идентичности не только в силу визуального восприятия городского пространства и различных социокультурных городских практик, но и в силу тотального распространения практик фотографирования.

Библиографический список

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004.
2. Барт Р. *Camera lucida*: комментарии к фотографии. – М. : AdMarginem, 1997.
3. Бушмакина О. Н. Местоположение субъективности в пространстве фотографической реальности // Визуальные аспекты культуры – 2007 : сб. науч. ст. – Ижевск, 2007.
4. Вейзер Д. Техники фототерапии: использование интеракций с фотографиями для улучшения жизни людей // Визуальная антропология: настройка оптики. – М. : ООО «Вариант», 2009.
5. Захарова Н. Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11. – № 1.
6. Круткин В. Фотографический опыт и его субъекты // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. – Саратов : Научная книга, 2007.
7. Петровская Е. В. Антифотография. – М. : Три квадрата, 2003.
8. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. – М. : ООО «Вариант», 2009.
9. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики. – М. : ООО «Вариант», 2009.

II. ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВА, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ: ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ НОВЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК?

М. А. Антипов

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. The article is devoted to actual issue of contemporary sociology and social philosophy: the problem of interpreting the trends of disordering of social relations in the postmodern era. The author cites two possible positions on this issue: the classic institutionalism and neoinstitutionalism.

Key words: social institute; postmodernity; disordering of social life.

Эволюция общества во многом связана с развитием социальнойности, когда все более совершенствовались формы совместной жизнедеятельности, приобретая упорядоченный, институциональный характер. Так, роды образовывали племена, на смену кровнородственным объединениям приходили территориальные, формировались основы цивилизованных обществ с развитой институциональной организацией. Каким образом происходило упорядочение социальной жизни, достоверно и однозначно отразить нельзя.

Одна из трактовок социогенеза представлена в работе Бергера и Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» [1]. Процесс социогенеза мы представляем как процесс упорядочения совместной жизни индивидов, придания взаимодействию организованного институализированного характера.

Почему человек стремится к порядку в общественной жизни? Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его наводить порядок в социальном окружении, в сфере своей деятельности. Это наведение порядка выражается в хабиитуализации (опривычивании). Выполнение одного и того же действия или комплекса действий в стандартной ситуации позволяет экономить время и силы, приносит психологическое облегчение, так как снимает «груз раздумий над тем, какой вариант поведения выбрать из множества возможных» [1, с. 22]. Это облегчает жизнь человеку так же, как существование животного облегчается инстинктами. Кроме того, «задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации» [там же]. Высвобожденную энергию человек может тратить на совершенствование своей деятельности.

Хабитуализация является предпосылкой институализации. Проще говоря, развитие опривыченной деятельности (привычек) является условием формирования социальных институтов. Социальный институт – это «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [там же]. Так, например, институт образования содержит привычные формы передачи социокультурного опыта, взаимно типизируемые различными индивидами как определенные формы и методы обучения. Институт армии есть взаимная типизация опривыченных действий по защите государственной территории и населения.

Институты предполагают, во-первых, специализацию, то есть выделение лиц, выполняющих определенные опривыченные типизированные действия. Во-вторых, институты предполагают историчность: они формируются и развиваются под воздействием тех или иных факторов общественной жизни. В-третьих, с помощью институтов в обществе осуществляется социальный контроль. Институты указывают нам, что и как делать в различных сферах повседневной жизни, делают поведение людей типизированным, стандартным. Институты имеют по отношению к индивиду силу внешнего принудительного воздействия. Авторы указывают на следующую формулу, выражающую сущность социальных институтов: «так делается».

Общественная динамика включает три взаимосвязанных процесса: экстернализацию (создание в ходе деятельности фрагментов социальной реальности), объективацию (наделение их качествами внешних объектов, качеством объективности, то есть независимости от человека, его сознания и деятельности) и интернализацию (усвоение объективированных фактов в ходе социализации).

Итак, социальный прогресс классики социологической науки (например, О. Конт, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) связывают с упорядочиванием совместной жизни индивидов и развитием ритуалов, традиций и общественных институтов.

Если в социоисторическом процессе выделить такие этапы, как традиционный (аграрный, доиндустриальный, досовременный), индустриальный (современный) и постиндустриальный (постсовременный, информационный), то для каждого из них будет характерен определенный уровень институализации общества. Так, для традиционных обществ характерен слабый уровень институализации, что проявляется в преобладании неформальных, некодифицированных норм организации совместной деятельности, подкрепленных в основном различными табу, ритуалами, традициями, носящими чаще всего сакральный характер.

В индустриальных обществах институализация проявляет себя более четко, совместная деятельность людей в таком обществе строго упорядочена нормами, носящими формальный характер и за-

крепленными в государственных нормативно-правовых актах различных уровней. Благодаря институтам повышается регламентация совместной деятельности индивидов, что в конечном счете способствует повышению эффективности производства благ.

Однако тенденция максимального упорядочивания, ведущего к превращению индивида в придаток производственной системы, в конечном счете изжила себя, показав свой антигуманистический характер, что подробно рассмотрено в работах неомарксистов Э. Фромма и Г. Маркузе. Индустриальное общество, основанное на рыночной экономике, выродилось в общество бездумного производства и потребления, и «рынок» как форма организации экономической жизни проник в иные сферы общества: политическую, культурную, социальную.

Неизбежным следствием сложившейся ситуации стало нарастание обратной тенденции – разупорядочивания общественных отношений, то есть деинституализации. Постиндустриальное общество, сохранившее в качестве основных ценностных императивов сверхпотребление и фетишизм, отличается от общества модерна неуклонным снижением формализации и стандартизации социальной жизни, снижением роли традиционных социальных институтов, распространяющих свое действие на все пространство социальной жизни.

Распространенным видом социальных типизаций становятся неформальные формы социальных отношений, изменяющие свой облик и содержание под воздействием социальных трансформаций. Именно такие, постоянно изменяющиеся, формы социальных отношений определяются как социальные институты в рамках неинституционализма. В рамках данной концепции, на что указывает патриарх отечественной социологии В. А. Ядов, в качестве основания бытия социальных институтов постулируется не социальная стабильность, а постоянные трансформации и метаморфозы, столь характерные для общества постмодерна [2, с. 29].

Так, под понятие социального института при подобном рассмотрении попадает взятка чиновнику или сотруднику ГИБДД, практика так называемых «откатов», столь распространенная во многих сферах отечественной экономики.

Итак, тенденции развития постиндустриального, информационного общества можно оценивать с различных позиций:

1. Указанные изменения в социальной жизни, связанные со снижением роли традиционных общесоциальных формальных институтов, в контексте классического институционализма интерпретируются как деинституализация общества.

2. В контексте неинституционализма подобные явления могут быть объяснены как характерная особенность общества постмодер-

на, отличающегося эклектичностью, постоянной изменчивостью, нестабильностью.

По моему мнению, реальность постсовременного общества может быть отражена не столько в понятии «деинституализация», сколько в терминах деформализации и разгосударствления социальной жизни. Институты в их классическом понимании уступают место новым опривыченным формам совместной жизнедеятельности индивидов, носящим неформальный, корпоративный, локальный характер.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для системы постдипломного социологического образования. – М. : Социополис, 2011. – 179 с.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

В. Н. Муха, В. А. Литовка
Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Summary. The article deals with the influence of institutional arrangement on the formation of social identity. The authors examine the influence of family, government, education and the media on the formation of the social identity of the individual.

Key words: social identity; identification; institutional arrangements.

Социальная идентичность представляет собой отождествление себя с какой-либо общностью на основе самоопределения личности (при условии признания идентичности социальной группой), включающее в себя принятие ценностей группы, понимание, оценивание и переживание своего членства в ней, формирующееся в процессе социализации личности под влиянием основных агентов социализации, а также государственной политики и социальных условий.

В качестве основных институциональных механизмов формирования социальной идентичности можно выделить семью, образование и средства массовой информации.

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы», номер соглашения 14.В37.21.0982.

Семья является не только основным институтом биологического воспроизводства человечества, но и важнейшим источником первичной социализации и идентификации. Именно в семье индивид усваивает базовые ценности, установки, которые позволяют ему создать представление об окружающей социальной реальности, сформировать жизненные приоритеты, духовно-нравственные идеалы. Семья создает естественные условия формирования личности, закладывает основополагающие качества индивида и способствует их развитию. Формирование, поддержание и сохранение социальной идентичности обеспечивается в первую очередь деятельностью семьи как социального института, и эта деятельность должна носить планомерный и скоординированный характер, чтобы возникающая социальная идентичность носила позитивный характер. Семья является важнейшим фактором инкультурации личности, так как связывает ее с национальной историей, национальными корнями. В современной семье процессы социализации и идентификации могут быть затруднены многообразием и неоднозначностью существующих в обществе ценностей.

Важной для исследования формирования идентичности в семье является решение вопроса о взаимозависимости семьи и государства. Процесс воспитания подрастающего поколения находится в центре внимания не только семьи, но и государства. Современное государство является одним из наиболее важных агентов идентификации и категоризации. Независимо от формы государства его усилия направлены на то, чтобы вписать человека в классификационную схему: идентифицировать и категоризировать людей относительно пола, религии, отношения к собственности, этнической принадлежности. Переписи распределяют людей по этим категориям, а система учреждений – от школ до тюрем – отсортировывает в соответствии с ними индивидов. Все эти попытки государство предпринимает для установления порядка и повышения эффективности управления. Государство заинтересовано в ориентации своих граждан на тот идеал личности, который идеологически необходим ему. Поэтому оно использует систему социальных институтов, и в частности семью. В связи с этим возникает два противоречия. Первое противоречие проявляется в рассогласовании ценностей государства и ценностей семьи, так как существуют семьи, чьи идеалы и устремления не совпадают с государственными задачами. При возникновении подобного рода противоречия семья пытается отгородиться от вмешательства государства, тем самым противопоставляя себя ему. В современном российском обществе государство игнорирует проблемы семьи, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. С одной стороны, это позитивная тенденция, связанная с отсутствием государственного диктата, а с другой – попустительство государства приводит к тому, что семья вынуждена сосредотачивать все свои

усилия на простом выживании, удовлетворении базовых потребностей и не имеет ресурсов для нравственного развития и воспитания подрастающего поколения. Второе противоречие связано с отсутствием на общенациональном уровне идеалов, которые необходимы для самоидентификации подрастающего поколения. Идеал выступает и как конечная цель идентификации, и как инструмент процесса воспитания.

Основой самоотождествления человека с некоторой социальной группой являются ее нормы и ценности. Поэтому логично рассматривать вопрос формирования семейной идентичности, начиная с особенностей развития и трансформации семейных ценностей в условиях социальной нестабильности.

Современное российское общество характеризуется как общество неопределенности, в котором, с одной стороны, оказываются невостребованными традиционные идентификационные системы, с другой – начинают формироваться механизмы новых социогрупповых идентификаций.

Происходящие в настоящий момент коренные общественные преобразования не могли не повлиять на развитие института семьи, на семейные отношения, мораль, принципы воспитания. Сегодня практически каждая семья прошла через экономический кризис, который одни смогли преодолеть и адаптироваться к жизни в новых социальных условиях, другие потеряли то небольшое, чем владели. Драматизм ситуации усугубляется тем, что материальные и психологические трудности, переживаемые семьей, привели к возникновению новых, ранее не существовавших проблем воспитательного характера. Неуверенные в себе родители перестают быть авторитетом и образцом подражания, дети не обращаются к ним за советом и помощью, считая их некомпетентными в новых жизненных обстоятельствах, неспособными к преуспеванию в современных конкурентных условиях [2, с. 102]. Как один из важнейших социальных институтов семья выполняет определенные функции. Говоря о функциях семьи, следует помнить, что речь идет о социетальных результатах жизнедеятельности миллионов семей, которые обнаруживаются на уровне общества, имеют общезначимые последствия. Функции семьи призваны реализовать ее возможности в качестве как цели (создание оптимальных условий для формирования социальной идентичности и социализации детей), так и средства удовлетворения общественных, групповых и индивидуальных потребностей [5, с. 64]. Большая часть семейных функций, которые относятся к семье, могут удовлетворяться и вне семьи, другими социальными институтами. Однако важнейшей особенностью функций семьи является их комплексность. Семья есть отражение происходящих в обществе событий и трансформаций. Эта система постоянно эволюционирует вместе с обществом, следовательно, и система семейных

ценностей не может быть постоянной, а также подвержена трансформации. В этом плане ведущую функцию семьи можно рассматривать как сохранение, развитие, преобразование и передачу последующим поколениям сложившейся системы ценностей, которые на субъективном уровне выступают как ценностные ориентации членов семьи [3, с. 42–49]. Результатом этого процесса и является формирование идентичности каждого члена семьи с семьей в целом.

Еще одним важным институциональным механизмом формирования социальной идентичности является образование.

Образование тесно связано с процессом социализации, понимаемой в широком смысле слова – как процесс трансляции социокультурных ценностей, норм, программ деятельности, моделей поведения, адаптации и усвоения индивидами социальных установок и ожиданий. Важнейшими характеристиками образования являются системность и непрерывность, единство процессов социализации и инкультурации личности, генетическая связь с национальной безопасностью, устойчивым развитием, культурным воспроизводством. Основываясь на данных признаках, институт образования можно рассматривать как значимое средство социокультурного воспроизводства общества.

Процесс обучения осуществляется в соответствии с нормами и ролевыми моделями, доминирующими в данном обществе, т. е. на различных уровнях образовательного процесса обучаемый усваивает имплицитированные в данных структурах и программах ценности, традиции, социокультурные особенности организации жизнедеятельности, хозяйственного уклада данного общества. Поскольку модель образования отражает особенности социальной структуры и организации общества, протекающих в нем социальных процессов, стандартизированные программы обучения обеспечивают, закладывают основы взаимопонимания между различными поколениями, тем самым помогая урегулировать процесс вхождения индивида в систему социальных связей, служат гарантом социального воспроизводства общества и способствуют формированию позитивной культурной идентичности.

На протяжении всей истории развития российского образования в нем установилась традиция гармоничного соединения профессиональной и общеобразовательной компоненты в содержании высшего образования. Однако в начале XXI века в системе российского высшего образования наметилась такая социокультурная особенность, как узкая специализация. В результате современное высшее образование постепенно утрачивает свой статус значимого фактора культурного воспроизводства. Такая особенность негативно сказывается на формировании позитивной культурной идентичности личности. Приоритетность социальной ценности образования обусловлена тем, что, способствуя совершенствованию социальной

структуры общества и эффективной деятельности его институтов, оно обеспечивает стабильное развитие всего социума. В то же время характер системы образования (ее цели, идеалы, набор учебных дисциплин, способы взаимоотношения учителя и ученика) определяются соответствующим типом культуры и изменяются вместе с ним. Поэтому именно гармоничное взаимодействие культуры и образования обеспечивает производство, тиражирование, передачу, усвоение и потребление знаний и ценностей. В рамках современной цивилизации образовательная ситуация зачастую такова, что принимается во внимание преимущественно прагматический смысл образования. Образование как форма трансляции культуры и фактор воспроизводства социального субъекта не всегда воспринимается как ценность и осознается как потребность.

Тем более актуальны эти проблемы для России, сделавшей за последнее столетие невиданный скачок в преодолении неграмотности, создавшей систему общеобязательного обучения, но в настоящее время столкнувшейся с кризисными проявлениями в функционировании института образования и резким падением уровня образованности граждан. Проявляется тенденция невостребованности образования, профессиональных способностей и научного потенциала личности, что приводит к девальвации ценностей образованности в сознании людей.

Можно выделить, по меньшей мере, три основные тенденции изменений в сфере образования. Во-первых, общемировую тенденцию изменения основной парадигмы образования, связанную со сменой типов социокультурного развития. Во-вторых, движение нашей школы и образования в направлении интеграции в мировую культуру (демократизация школы, создание системы непрерывного образования, гуманитаризация и компьютеризация образования, свободный выбор программ обучения, возникновение на основе самостоятельности школ и вузов сообществ преподавателей и учащихся и др). Третья тенденция состоит в адаптации системы образования к требованиям рыночной экономики. Эти изменения говорят о том, что в системе образования находят отражение происходящие в обществе как негативные, так и позитивные процессы [6].

Современная российская государственная политика в области образования носит противоречивый характер. Нормативные функции высшего образования сужаются до социально-профессионального воспроизводства, а само образование нацелено на прагматичные принципы.

В современном информационном обществе средства массовой информации являются одним из важнейших агентов социализации индивида наряду с семьей и образованием. Власть СМИ распространяется практически на все сферы общества в большей или меньшей степени. Наиболее ярко это проявляется в политической и социаль-

ной сферах, а также в сфере духовной жизни, и даже личная жизнь человека не остается без внимания СМИ. Революция в области коммуникаций и информации предопределила смену мировоззрения. СМИ не только отражают действительность, но и интерпретируют и конструируют ее согласно своим интересам или интересам группы лиц, ее контролирующим.

Массовая информация по своей сути – информация социальная. Она имеет широкую аудиторию, рассредоточенную во времени и пространстве, и распространяется с помощью технических средств. Массовая информация отражает общественные процессы и имеет свою цель – управление обществом или его подсистемами через управление людьми. Массовые коммуникации в силу своей всеобщности и всеохватности способны формировать облик каждого нового поколения.

Используя современные СМИ, индивид может расширять свой кругозор, приобретать определенные навыки и знания, находить образцы для подражания, наметить социально предпочтительную линию поведения и действовать на основе полученной информации. Основной функцией массовой информации является обеспечение взаимосвязи между обществом (или общностями), с индивидами и социальными группами путем распространения информации о фактах, явлениях, событиях и социокультурных ценностях общества.

Таким образом, СМИ должны решать следующие задачи: создание и поддержание общей картины мира и картины мира отдельной общности и / или группы, передача от поколения к поколению ценностей культуры данного общества, а также дать возможность отвлечься от трудностей социального бытия путем введения развлекательной информации [1].

Современный кинематограф, книги, журналы, Интернет, обладая значительными потенциальными возможностями воздействия на личность, не отвечают всем критериям массовости информации (обращение к численно большой аудитории, физическая и финансовая доступность, регулярность распространения, быстрота потребления, корпоративный характер производства, универсальность, одновременность воздействия на различные группы аудитории, рассредоточенные в пространстве, безличный и опосредованный характер). В настоящее время средства массовой коммуникации фактически представляют собой систему неформального образования, просвещения различных слоев населения. Они весьма существенно влияют на усвоение людьми всех возрастов широкого спектра социальных норм и на формирование ценностных ориентаций личности. Через массмедиа внедряются ценности и модели поведения, санкционируемые или несанкционируемые обществом. В условиях кризисного состояния традиционных трансляторов идентичности (семьи, школы) происходит возрастание оперативной инфор-

мации (относительно структурной и фундаментальной). В этих условиях значение средств массовой коммуникации как референтного источника информации постоянно растет. Средства массовой коммуникации предоставляют современному человеку больший простор поиска оснований для социальной идентификации. Сегодня дело даже не только в том, что информация, передаваемая через средства массовой коммуникации, расширяет перед индивидом возможности выбора группы принадлежности, ибо дает более широкий перечень различных групп, их спектр и совершенствует оценку их со стороны потребителя информации. Значительная, большая интерактивность современных информационных потоков (прежде всего, телевизионных и электронных) определяет и большие возможности непосредственного активного участия человека в этом процессе, возможности конструирования своей социальной идентичности. Манипуляционный характер современных средств массовой коммуникации затрудняет формирование позитивной социальной идентичности личности, условием становления которой является возможность личного поиска и изучения себя, при гибкой поддержке социальных институтов [4]. Таким образом, анализ функционирования основных социальных институтов общества позволяет выявить основные механизмы формирования позитивной социальной идентичности.

На основе вышеуказанных тенденций можно сделать вывод, что динамичные процессы, протекающие в обществе, затрагивают, прежде всего, институциональный уровень, который через систему социальных институтов влияет на процесс идентификации личности. Именно благодаря нормальному функционированию социальных институтов поддерживается совместная кооперативная деятельность людей в группах и организациях. На основе такой интеграции у индивида формируется чувство принадлежности к социальной группе, которое, с одной стороны, обеспечивает подчинение личности существующим нормам, а с другой, групповую защиту и систему оценки и самооценки, что в свою очередь способствует поддержанию стабильности и целостности общества.

Библиографический список

1. Акимова И. А. СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе // «Сервис Plus» : сетевой журн. – 2009. – № 1. URL: <http://www.mgus.ru/science-journal> (дата обращения: 31.08.2012).
2. Дементьева И. Ф. Социальное самочувствие семьи // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 102–109.
3. Елизаров А. Н. К проблеме поиска основного интегрирующего фактора семьи // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 1. – С. 42–49.
4. Лескова И. В. Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. – М., 2008. – 46 с.
5. Мацковский М. С. Социология семьи. – М. : Наука, 1989. – 158 с.

6. Чотчаева З. А. Образование как фактор трансляции культуры в современном российском обществе : автореф. дис. – Ставрополь, 2002. – 42 с.

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ

А. А. Бесчасная
Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. Accelerating the pace of life, the dynamic changes taking place in society and the processes leading to the need for timely reconstruct, modernize and build new models of family functioning. These transformations occur as a natural inner necessity, or as a result of targeted government measures to maintain the viability of these social structures and systems. In the process of transformation and the result is dropping out obsolete forms of practices and updating new models of functioning of social institutions.

Key words: family; transformation of social institutions; forms of practice.

На протяжении последнего столетия Россия находилась в состоянии кризисного развития институциональных элементов общества. Даная тенденция характерна для большинства развитых стран мира. Ускорение темпов жизни, динамичность происходящих изменений и процессов в обществе приводят к необходимости своевременно перестраивать, модернизировать и формировать новые модели функционирования социальных институтов. Данные преобразования происходят как естественная внутренняя необходимость либо как результат целенаправленных государственных мероприятий для сохранения жизнеспособности данных социальных образований и систем. В процессе и результате трансформаций происходит отсев отживших форм практик и актуализация новых образцов функционирования. Современная российская семья как структурообразующая система общественной жизни фокусирует все кардинальные изменения, происходящие в обществе. Семья является единственным социальным институтом, в котором происходит воспроизводство новых поколений и происходит трансляция информации, традиций, образа жизни от родителей к детям. Благодаря этому в обществе можно обнаружить социально-демографические процессы, отражающие проблемы материального и нематериального характера. Политические, экономические, духовные факторы современности оказывают воздействие на процессы трансформации социального института семьи, на особенности брачно-семейных отношений, распределение ролей в браке и семье, характер межпоколенческих отношений, трансляции ценностных ориентаций.

В отечественной социологии семьи выделяется несколько подходов к перспективам развития семьи: естественное преобразование традиционной семьи в современную, что отражает включенность российской семьи в общеисторический процесс, ее модернизацию; проявление кризиса семьи в тенденциях, ведущих к разрушению и деградации как социального института. Наблюдаемые тенденции трансформации современной российской семьи характеризуются, с одной стороны, как общемировые, детерминированные аналогичными причинами, а с другой стороны, как специфические, обусловленные особенностями социальной политики советского государства и идеологическими установками антисемейного характера, нацеленные на ликвидацию индивидуального домашнего хозяйства.

Почти сто лет происходит ломка, модернизация, возникновение новых социальных образцов, утрата старых в сфере семейных отношений. Сегодня все социологические, статистические, публицистические материалы констатируют глубокий структурный и функциональный кризис института семьи. Исследование семей различного социально-демографического типа позволило установить, что в условиях затянувшегося экономического кризиса в начале XXI в. за чертой бедности оказались не только социально уязвимые семьи: многодетные, неполные, семьи инвалидов, но и семьи, имеющие трудоспособных членов. Проблемы современной российской семьи определяются масштабными политическими, экономическими и социальными преобразованиями последнего десятилетия.

Объективно на семейный образ жизни влияют такие факторы, как разложение сложившейся социальной инфраструктуры, разрушение общественных фондов потребления при низком уровне реальных доходов большинства российских семей, коммерциализация сфер здравоохранения и образования, нестабильность доходов, рост безработицы. В последние годы наступил очередной виток резкой социальной поляризации населения. В таких условиях семья теряет возможность качественно осуществлять свои основные функции: репродуктивную, воспитательную, рекреационную, экономическую. Государственные меры поддержки рождаемости (введение «материнского капитала») содействовали не только повышению рождаемости, но и укреплению социального института семьи. Социологические исследования последних лет обнаруживают новую тенденцию – все большую ориентацию на семью, семейные занятия, семейный досуг. Кризис общества, ограничение финансовых возможностей вызвали одомашнивание образа жизни людей как адаптационный механизм к экономическим факторам. Таким образом, в тенденциях современной семьи можно обнаружить противоречие: стремление к внутреннему разрушению на фоне благополучия общества и культа потребления (центробежная динамика) и, наоборот, объективные обстоятельства материального обеспечения и удовле-

творения потребностей семьи и детей способствуют формированию практик «выживания» и компромиссов между членами семей (центростремительная динамика).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Я. В. Охлопкова

Финансово-экономический институт СВФУ

**им. М. К. Аммосова, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия**

Summary. This article is considered the problem of family as one of the most important direction in the social development of the Sakha Republic.

Key words: family; marriage; social institute; personality formation.

Создание семьи является одним из важнейших этапов в жизни человека. Вместе с вступлением в мир семейной жизни люди получают возможность стать родителями. Об этом легко говорить, и со стороны это кажется не таким уж и трудным делом, но на деле быть родителями, женой и мужем требует огромной ответственности. В этом процессе каждая сторона, так или иначе, подвергается положительному или отрицательному влиянию. Непонимание и раздоры в семейной жизни иногда заканчиваются распадом семьи. Распад семьи становится причиной больших духовных и социальных изменений. Во всем мире общества сталкиваются с похожими явлениями в вопросах, касающихся изменений семейной жизни [1, с. 156].

Социологи, юристы, медики, педагоги изучают причины нестабильности современной семьи. Чаще всего распаду семьи способствуют пьянство, неверность супругов, низкая культура поведения, отсутствие сексуальной культуры, неподготовленность к браку. По общему мнению, молодежный брак оказывается хрупким из-за завышенных ожиданий, которые разбиваются о «прозу жизни». Это свидетельство инфантильности, безволия, эгоистических установок у вступающих в брак молодых людей [2, с. 225].

На примере Республики Саха (Якутия) отмечается рост числа распавшихся семейных пар. Количество разводов по итогам девяти месяцев 2012 года составляет 55 процентов от числа зарегистрированных браков. Эти данные были приведены 25 октября на заседании республиканской межведомственной комиссии по демографической политике. Речь шла о реализации программных мероприятий в области семейной политики в республике. По итогам 9 месяцев 2012 года в республике зарегистрировано 3313 браков, при этом за указанный период число разводов составило 2101.

Причины распада семьи:

1. Общая несовместимость личностей, целей и интересов. Иногда ранний брак до завершения формирования зрелых взглядов и представлений приводит к нарастанию дисгармонии между супругами.

2. Сексуальные проблемы могут стать источником супружеской дисгармонии и привести к разводу.

3. Финансовые разногласия часто оказываются причиной семейных конфликтов. Например, один из супругов тратит на личные нужды денег больше, чем семья может себе позволить.

4. Несовпадения в ожиданиях относительно разделения труда в семье, ведения хозяйства или во взглядах на работу (например, муж слишком много времени проводит на работе, или жене не позволяется идти работать).

5. Появление детей может внести напряжение в отношения между супругами: муж считает, что ему не уделяется достаточное внимание, или жена не получает достаточной помощи в уходе за детьми.

6. Конфликты на почве пристрастия одного из супругов к спиртным напиткам, азартным играм или наркотикам могут стать основой семейных проблем.

7. Неверность часто имеет место в семьях, где уже есть проблемы в отношениях между супругами.

8. Грубость, физическая жестокость могут привести к невозможности сохранения отношений в паре.

В 2007 году в России, по данным Госкомстата, на каждые 100 браков приходилось 54 развода (в настоящее время статистика осталась такой же). Статистика по причинам разводов выглядит следующим образом (некоторые из опрошенных студентов выбрали несколько причин):

- алкоголизм, наркомания (51 %);
- отсутствие квартиры (41 %);
- сами супруги (31 %);
- материальное неблагополучие (29 %);
- родственники (18 %).

Отсюда следует вывод: социально-экономическое положение российской молодой семьи требует повышения роли государства в создании нормальных условий для достижения ими необходимого уровня благополучия. При этом речь идет не о поддержке семейного иждивенчества, а о создании благоприятного пространства для функционирования семьи, условий для самореализации ее интересов. Большинство молодых семей нуждается в адресной государственной поддержке.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Социология. – 2-е изд. – М. : изд-во «URSS», 2005. – С. 156

2. Черняк Е. М. Социология семьи : учеб. пособие. – 6-е изд. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2008. – С. 225

РАВНОПРАВНЫЕ СЕГОДНЯ ИЛИ УГНЕТЕННЫЕ ВСЕГДА?

Н. П. Восковщук
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. Development of modern society, the evolutionary conditions of vital functions on the planet deeply influences for life of millions of women. Their oppression that exists for centuries and millennia, is a product of class society, does not change the situation today. However, the formation of understanding of the condition in the community and possibility to influence on historical, political and social processes in the majority of the representatives of "the weaker sex" has already started with the development of capitalism. Here I want to focus my attention on the emergence of such a socio-political movement like feminism, which aims - to provide women of full civil rights, and in the broader sense - the desire for equality between women and men in all spheres of society.

Key words: freedom of women; the desire for equality between women and men; feminism.

Развитие современного общества, эволюционные условия жизнедеятельности на планете глубоко влияют на жизнь миллионов женщин. Их угнетение, существующее веками и тысячелетиями, являющееся продуктом классового общества, и сегодня остается фактом социальной действительности. Однако формирование понимания своего положения в обществе началось уже с развитием капитализма, тогда же появилась и возможность влиять на исторические, политические и общественные процессы у большинства представительниц «слабого пола». Здесь хочу заострить внимание на появлении такого социально-политического движения, как феминизм, цель которого – предоставление женщинам всей полноты гражданских прав, а в широком смысле – достижение равноправия женщин с мужчинами во всех сферах общества.

Сегодня женщины вовлечены и задействованы в разных сферах деятельности: на предприятиях, в политике, науке, торговле, различных учреждениях образовательного и социально-культурного назначения, не получив, однако, статуса полной свободы. При этом происходит двойное давление как со стороны мужчин, так и со стороны общества: на плечах женщин остается домашнее хозяйство и воспитание детей, и в то же время они вынуждены работать наравне с мужчинами. Можно сказать, что «...современный феминизм вырос из простого, кажущегося на первый взгляд, вопроса: а как насчет женщин? – какое место в той или иной ситуации занимают женщины. Если присутствие женщин очевидно, то каково их конкретное

занятие? Какие чувства они испытывают? Что привнесено благодаря им? Что означает данная ситуация для женщин?» [1, с. 3]. Если какие-либо социальные ситуации обходятся без участия женщин, то причиной тому, как правило, оказываются предпринятые теми или иными влиятельными субъектами меры, как я думаю, направленные на их вытеснение. А где заметнее всего женщины, так это в роли, связанной с покорностью или воспитанием ребенка. Заметим, что сами женщины, проявляющие активность, ученые, общественность и особенно действующие в социальном мире субъекты-мужчины в большинстве социальных ситуаций как бы не замечают женского присутствия. И если даже роль женщины в социальных ситуациях оказываются существенно значимой, она, в отличие от роли мужчин, все равно не будет приоритетной, нося подчиненный характер. Невидимость, незаметность, приспособленность женщин – одни из показателей подобного неравенства. Патриция Хилл Коллинз подчеркивает важность приверженности идее справедливости в борьбе с несправедливостью: «Критическая социальная теория... – корпус знаний... нацеленных на разрешение важнейших вопросов, встающих перед группами людей, которые терпят несправедливость в определенных политических, экономических, социальных и исторических ситуациях» [2, р. XIV]. Отсюда возникает следующий вопрос: «К каким последствиям ведет подобный способ мышления, направленный на уменьшение несправедливости в жизни женщин? Как этот способ объяснения мира сможет улучшить жизнь всех женщин?» [3, р. 5] Назначение роли матери и жены никуда не исчезло, а подогнано, как старое платье под чужую фигуру, под цели эксплуатации. Сегодня женщинами манипулируют и упрекают их в промахах в семейной или профессиональной жизни. Но, несмотря на то, что практически все женщины страдают от дискриминации, их жизненный опыт заметно отличается, так как они разделены по классовому принципу: женщины высшего и среднего классов разделяют выгоды эксплуатирующей системы и, используя эту «магазинную скидку» для смягчения эксплуатации, улучшают тем самым собственное положение. Женщины-трудяги обычно занимаются уборкой, приготовлением пищи, оказывают услуги женщинам высшего и среднего классов, получают низкую зарплату, довольствуются собственными интересами и семьями.

В сфере развития коммерциализации сексуальности мужской культурой женщины более чем когда-либо рассматриваются как предмет сексуального «использования». Это подтверждается многочисленным появлением стриптиз-клубов, порнографией, оказанием интимных услуг, что позволяет рассматривать женщину как сексуальный объект. Эта роль женщины в качестве мужской собственности является причиной таких явлений, как домашнее насилие, изнасилования, сексуальные оскорбления, домогательство со стороны

начальства и так далее. Причем мужские преступления на сексуальной почве, как правило, не афишируются и не расследуются из-за того, что жертва боится огласки, сплетен и толков различного рода, из-за «искусственного» стыда!

Проблему гендера рассматривает в рамках аналитической теории конфликта Джанет Чафетс, она фокусирует внимание на гендерном неравенстве или, по ее словам, «...половой стратификации» [4, р. XIV]. Чафетс строит свою теорию в соответствии с традициями теории конфликта, выявляя структурные условия, вызывающие конфликт той или иной степени интенсивности, причины которого кроются в женской и мужской физиологии, институциональных ролях, в социальном взаимодействии. Чтобы предотвратить происхождение подобных гендерных «доктрин», необходимо осуществить социокультурные преобразования, чтобы с их помощью восполнить недостатки, которые биологически свойственны обоим полам.

Истинная свобода женщин появится только тогда, когда люди будут независимы от материальных благ, когда будут соблюдаться права граждан, и они, граждане, будут социально защищены не только властью, но и самим государством.

Библиографический список

1. Пушкарева Н. Л. Что такое феминизм? // Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие). – Калуга, 2001.
2. Collins P. H., 1998, р. XIV
3. Henessy & Ingraham, 1997, р. 5
4. Chafetz Dj., 1984, 1988, 1990.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

С. К. Жиркова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К Аммосова, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. This article discusses the problems of education and rehabilitation of children with disabilities, social work, and their inclusion in society.

Key words: children with disabilities, the medical model of disability, social status, social rehabilitation and social adaptation.

Одной из актуальных социально-экономических и демографических проблем современного российского социума является включение детей с ограниченными возможностями в общество. Актуальность этой проблемы объясняется многими обстоятельствами, сложившимися в современной России.

По данным ООН, инвалиды составляют порядка 10 процентов жителей нашей планеты, и их число продолжает расти. Каждый год в России их становится на миллион больше. Это, на мой взгляд, можно объяснить количеством дорожно-транспортных происшествий, хроническими заболеваниями, курением, алкоголизмом, наркоманией, ведением не здорового образа жизни.

В Республике Саха (Якутия) в 2007 численность детей-инвалидов до 18 лет составляла 6428 человек. По состоянию на 01.01.2008 численность инвалидов составляет 49485 человек (5,2 % населения), в том числе детей-инвалидов 6579 человек. За последние пять лет число детей-инвалидов снизилось на 5,8 % [1].

Социальная политика в России, ориентированная на инвалидов, взрослых и детей, строится сегодня на основе медицинской модели инвалидности. Исходя из этой модели, инвалидность рассматривается как недуг, заболевание, патология. Такая модель вольно или невольно ослабляет социальную позицию ребенка, имеющего инвалидность, снижает его социальную значимость, обособляет от «нормального» детского сообщества, усугубляет его неравный социальный статус, обрекает его на признание своего неравенства, неконкурентоспособности по сравнению с другими детьми [3].

Следствиями ориентации общества и государства на эту модель являются изоляция ребенка с ограниченными возможностями от общества в специализированном учебном заведении, развитие у него пассивно-иждивенческих жизненных ориентаций.

Стремясь изменить эту негативную традицию, мы используем понятие «человек с ограниченными возможностями», которое стало все чаще использоваться в российском обществе.

Актуальность темы предполагает обсуждение вопросов, касающихся содержания и технологии социальной работы с детьми с ограниченными возможностями.

Научная новизна статьи определяется самой постановкой проблемы, недостаточной степенью ее проработанности в социологическом аспекте и состоит в анализе социальных проблем детей с ограниченными возможностями, связанных с социальной реабилитацией и включением их в общество.

Гипотеза данной статьи: технология социальной работы с детьми с ограниченными возможностями не достаточно развита, предлагаемые формы и методы работы доступны не всем и в целом требуют рассмотрения и доработки с учетом индивидуальных потребностей каждого ребенка-инвалида.

Отмечая государственное внимание к детям с ограниченными возможностями, успешное развитие отдельных медицинских и учебно-воспитательных учреждений, тем не менее, следует признать, что уровень помощи в обслуживании детей этой категории не соответствует потребностям, так как не решаются проблемы их социальной реабилитации и адаптации в будущем.

Государство не просто призвано предоставить ребенку, имеющему инвалидность, определенные льготы и привилегии, оно должно пойти навстречу его социальным потребностям и создать систему социальных служб, позволяющих нивелировать ограничения, препятствующие процессам его социальной реабилитации и индивидуального развития.

Важнейшей проблемой при работе с детьми с ограниченными физическими возможностями является выявление семейных психологических механизмов. Большинство семей отличаются гиперопекой, снижающей социальную активность ребенка, но встречаются семьи с явным или открытым эмоциональным отвержением больного ребенка.

Не менее важной проблемой является работа по профориентации ребенка с ограниченными возможностями. Правильный выбор профессии с учетом индивидуальных возможностей позволяет ему быстрее адаптироваться в обществе.

Следует отметить, что значимой составной частью социальной работы является психолого-педагогическая подготовка родителей.

Таким образом, только совместная работа социальных работников, педагогов и родителей в работе с детьми с ограниченными возможностями позволит решить проблемы развития личности ребенка, его социальной реабилитации и адаптации в будущем.

Библиографический список

1. Государственный доклад о положении инвалидов в Республике Саха (Якутия) в 2007 году / Министерство труда и социального развития РС (Я), ред. коллегия. – Якутск : ИП «Семенов И. А.», 2008. – 100 с.
2. Акатов Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. – М., 2004.
3. Преодолевая барьеры инвалидности. – М. : Ин-т соц. работы, 2003.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ДЕТСКОМ ДОМЕ

З. Н. Григорова, М. М. Бомштейн

**Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет, г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. This article discusses the features of the development of social and general intelligence of children in an orphanage. Studies have shown that they are different from their peers from intact families. The study of these features will help this social group in their further adaptation and socialization.

Key words: social intelligence; general intelligence; children growing up in a children's home; younger teens.

Согласно статистическим данным за 2011 год, в Российской Федерации учтено свыше 82 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Большинство (80 %) выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, составляют дети, лишившиеся родительского попечения по «социальным» причинам. Несмотря на то, что за последние пять лет количество родителей, лишенных родительских прав, уменьшилось более чем на 19 %, оно остается значительным (в 2011 году родительских прав лишены свыше 50 тысяч человек) [2].

Среди «социальных» сирот – воспитанников детских домов – значительное количество детей младшего подросткового возраста.

По мнению различных авторов, подростковый возраст является наиболее важным в становлении личности, от того, в каких условиях он протекает, во многом зависит дальнейшее социально-психологическое развитие индивида. Можно предположить, что если ребенок воспитывается в полной семье, то родители и родственники принимают участие в развитии подростка, помогая ему преодолевать трудности, связанные с общением, обучением в школе, идентификацией себя в обществе, помогают ему развивать социальный интеллект. Дети, воспитывающиеся в детском доме, лишены участия в их жизни родителей и родных, что делает их более незащищенными и неопытными. Трудности подросткового возраста и

изменение социальной ситуации детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, приходится преодолевать самостоятельно, поэтому важно знать особенности развития их социального и общего интеллекта для помощи в социализации и адаптации в обществе.

Основной потребностью подросткового возраста выступает общение, через которое возможно становление самосознания личности. Деформации социального развития в подростковом возрасте – тяжелые психотравмирующие обстоятельства жизни, воспитание за пределами семьи, несоответствующие возрасту ребенка образ жизни и ожидания со стороны взрослых – не позволяют в полной мере развернуть новообразования подросткового возраста и обеспечить появление новых адаптационных способностей, обновленных способностей общественного бытия. В младшем подростковом возрасте, прорываясь к взрослости, подросток обнаруживает различия в самом себе и начинает отделять отношение к себе как к ребенку и отношение к себе как взрослому. В прямой связи с этим в содержании социального интеллекта актуализируются аналитические способности. Так, подросток начинает сравнивать основания товарищеских и дружеских отношений, которые возникают среди взрослых и среди детей; он сосредотачивает внимание на сходстве и различиях эмоциональных выражений при одной и той же ситуации у детей и взрослых; он выделяет и классифицирует особые стили поведения и общения в среде взрослых. Подростки стремятся не столько вслушиваться, сколько «всматриваться» в человеческие отношения. Следовательно, происходит переориентация функций социального интеллекта: от узнавания и отражения к анализу и сравнению. Меняется и качество социального интеллекта. Он начинает работать по принципу дистилляции: из отношений выбирается то, что предлагается подростку как взрослому, а не как ребенку. Качественно иным становится социальный интеллект, решающий задачи прогнозирования последствий социальных действий. Подростки, стремящиеся к взрослости, побуждаются использовать задатки социального интеллекта для решения более сложных проблем, чем младшие школьники. Усложняется и такая способность социального интеллекта, как способность проникать в социальные чувства и духовные ценности других людей [1].

Растущий в условиях учреждений интернатного типа ребенок, как правило, не осваивает навыки продуктивного общения. Его общение неразвито: контакты поверхностны, нервозны и поспешны – он одновременно домогается внимания и отторгает его, переходя на агрессию или пассивное отчуждение. Нуждаясь в любви и внимании, он не умеет себя вести таким образом, чтобы с ним общались в соответствии с этой потребностью. Неправильно формирующийся опыт общения приводит к тому, что ребенок очень рано начинает

занимать негативную позицию по отношению к другим. Особая проблема – феномен «Мы» в условиях детского дома. У детей возникает своеобразная идентификация друг с другом. В нормальной семье всегда есть фамильное «Мы» – чувство, отражающее причастность именно к своей семье. В условиях жизни без родительского попечительства у детей складывается «Мы» закрытого учреждения. Это совершенно особое психологическое образование. Дети без родителей делят мир на «Своих» и «Чужих», на «Мы» и «Они». Такие дети психологически отчуждены от людей. Л. М. Шипицына к особенностям психического развития детей-сирот подросткового возраста относит в первую очередь систему взаимоотношений с окружающими людьми, которые связаны с устойчивыми и определенными свойствами личности таких детей. Она пишет о том, что к 10–11 годам у подростков устанавливается отношение к взрослым и сверстникам, основанное на их практической полезности для ребенка, формируются «способность не углубляться в привязанности», поверхностные чувства, моральное иждивенчество (привычка жить по указке), осложнения в становлении самосознания (переживание своей ущербности) и многое другое. В общении таких детей с окружающими бросается в глаза назойливость и неутолимая потребность в любви и внимании. Проявление чувств характеризуется, с одной стороны, бедностью, а с другой – острой аффективной окрашенностью. Этим детям свойственны взрывы эмоций – бурной радости, гнева и отсутствия глубоких, устойчивых чувств. Важной особенностью является то, что в интернатном учреждении ребенок постоянно общается с одной и той же достаточно узкой группой сверстников, причем сам он не властен предпочесть ей какую-либо другую группу, как это способен сделать любой другой ученик обычной школы, но одновременно его нельзя и исключить из нее. Принадлежность к определенной группе сверстников становится как бы безусловной. Это ведет к тому, что отношения между сверстниками складываются не как приятельские, дружеские, а по типу родственных. Подобные контакты не способствуют развитию навыков общения со сверстниками, умению наладить равноправные отношения с незнакомым ребенком, адекватно оценить свои качества, необходимые для избирательного дружеского общения. Подобная ситуация неблагоприятным образом влияет на развитие социального интеллекта, который способствует социализации человека в обществе [3; 4].

Таким образом, трудности подросткового возраста и изменения социальной ситуации детям, воспитывающимся в детском доме, приходится преодолевать самостоятельно, поэтому важно знать особенности развития их общего и социального интеллекта для помощи в социализации и адаптации в обществе.

Нами было изучено 30 «социальных» сирот, то есть детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения тех роди-

тельских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и др., в возрасте от 11 до 13 лет. В качестве группы сравнения выступали дети, воспитывающиеся в полных семьях идентичного возраста. Была выдвинута гипотеза о том, что у детей младшего подросткового возраста, воспитывающихся в детском доме, социальный интеллект ниже, чем у их сверстников из полных семей, и имеет специфические взаимосвязи с другими параметрами общего интеллекта.

В результате исследования были получены следующие данные.

В сравнении с детьми, воспитывающимися в полных семьях, у детей из детских домов снижен уровень основных интеллектуальных функций (памяти и мышления), умений строить умозаключения на основе жизненного опыта, низкий уровень развития внимания, сообразительности, они хуже оперируют словами родного языка, у них довольно низкий объем оперативной памяти. Снижен уровень перцептивных способностей, умения дифференцировать существенное от второстепенного в зрительных образах, снижен уровень наблюдательности и сосредоточенности, чувства юмора.

Полученные результаты могут быть связаны с тем, что испытуемые основной группы попали в детский дом еще до поступления в школу, а до того воспитывались в социально неблагополучных семьях, что в свою очередь могло привести к педагогической запущенности, что обуславливает более низкие результаты в сравнении с группой сравнения.

Также при изучении общего интеллекта были получены данные, позволяющие говорить о том, что у социальных сирот ниже общая культура, академическая успеваемость, ниже уровень развития способности к взаимодействию с объектами окружающего мира. При этом их успеваемость и уровень образованности являются нормативными для данного возрастного периода. Уровень развития общего интеллекта определяется как несколько сниженная норма. Поскольку общий интеллект является врожденной характеристикой, то можно предположить, что это обусловлено наследственной отягощенностью детей, воспитывающихся в детском доме, так как большой процент причин сиротства данных детей – алкоголизация и наркотизация родителей.

Уровень развития социального интеллекта воспитанников детского дома также ниже в сравнении с детьми из полных семей. У них хуже развита способность понимать связь между поведением и его последствиями, они плохо понимают язык телодвижений, мимические и пантомимические проявления, испытывают трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия, плохо адаптируются в различного рода взаимоотношениях. Они испытывают трудности в понимании и прогнозировании поведения других людей, что усложняет их взаимоотношения и снижает возможности социаль-

ной адаптации. На наш взгляд, такие результаты могут быть связаны с тем, что дети, воспитывающиеся в детском доме, воспринимаются обществом как «особенные, бедные», и поэтому им многое прощается, считается как «нормальное» поведение для такой социальной группы. Также это может быть связано с тем, что, несмотря на особенности подросткового возраста и желание общаться со сверстниками, дети-сироты с их феноменом «Мы» и «Они» общаются в большинстве случаев внутри детского дома, то есть обособленно от остальных социальных групп. Соответственно, это влечет за собой то, что социальный интеллект таких детей ниже среднестатистической нормы по причине того, что, пока они находятся в детском доме, необходимость адаптации не является актуальной для них. Помимо этого, рядом с детьми-сиротами нет взрослых, которые бы корректировали их поведение, обращали бы их внимание на определенные составляющие взаимодействия с другими людьми, так как в среднем на одну группу из 8–10 человек приходится один воспитатель, который физически не способен уследить за всеми. К тому же можно предположить, что тот социальный образец, который они наблюдали до попадания в детский дом является для них приемлемым, но социально неодобряемым в обществе, а это в свою очередь может затормаживать развитие социального интеллекта таких детей.

При исследовании взаимосвязей между общим и социальным интеллектом были получены данные, позволяющие говорить о том, что их специфика зависит от социальной ситуации.

У детей из детского дома социальный интеллект в младшем подростковом возрасте взаимосвязан с умением строить умозаключения на основе жизненного опыта, с высокой концентрацией произвольного внимания, сообразительностью, зрительным узнаванием, умением дифференцировать существенное от второстепенного, с наблюдательностью, общим объемом знаний, умением организовывать отдельные части в целое. Он взаимосвязан с умениями, особенностями психофизических, сенсомоторных, перцептивных характеристик, знаниями и полученным образованием. Выявлено взаимовлияние интеллекта и способности предвидеть последствия поведения с предсказыванием событий и чувствительности к характеру и оттенкам взаимоотношений, с пониманием речевой экспрессии. Существует взаимосвязь между умением строить умозаключения на основе жизненного опыта и правильностью оценки состояния, чувств, намерений людей по их невербальным проявлениям, а так же интуицией; способность распознавать структуру межличностных отношений, анализировать сложные ситуации взаимосвязана с умением зрительного узнавания знакомых предметов, а так же дифференциацией существенного и несущественного. Таким образом, можно говорить о том, что в основной группе социальный интеллект взаимосвязан с общим уровнем развития интеллекта. Мы

предполагаем, что это связано с тем, что социальные сироты в силу сложившихся обстоятельств лишены участия в своем воспитании родителей, что в свою очередь может обуславливать то, что развитие социального интеллекта в целом, а также определенных навыков взаимодействия в обществе связано с общим развитием интеллекта. Другими словами, успех социализации воспитанников детского дома младшего подросткового возраста связан и их уровнем развития. То есть, чем умнее будет ребенок, тем вероятнее, что его социальный интеллект будет развиваться, и он будет успешен во взаимодействии с социумом. И наоборот, если социальный интеллект будет развит на низком уровне, это может повлечь за собой определенные проблемы во взаимодействии в школе, что в свою очередь может влиять на общий уровень образованности и развития интеллекта в целом.

В результате исследования были получены данные, позволяющие сделать вывод о том, что у детей младшего подросткового возраста, воспитывающихся в детском доме, на социальный интеллект, а именно на систему интеллектуальных способностей, определяющих адекватность понимания поведения людей, на понимание невербального языка, на успешное прогнозирование реакций других людей в заданных ситуациях, влияют:

- 1) умение строить умозаключения на основе жизненного опыта, актуальная готовность к умственной деятельности, самостоятельность, социальная зрелость суждений;
- 2) перцептивные способности, зрительное узнавание знакомых объектов, умение дифференцировать существенное и второстепенное;
- 3) сосредоточенность, наблюдательность;
- 4) уровень развития различных свойств внимания (концентрации, распределения, переключения), восприятие, зрительно-моторная координация, скорость формирования новых навыков.

Развитие социального интеллекта может быть реализовано посредством специальных развивающих занятий и тренингов, в программу которых будут включены задания и упражнения, направленные на развитие перечисленных интеллектуальных способностей.

Дети, воспитывающиеся в детском доме, подвержены определенному отношению со стороны общества, которое в каком-то смысле облегчает их жизнь, но также и усложняет. С одной стороны, дети-сироты имеют некие привилегии в различных сферах жизни, с другой – на них прикрепляется обществом ярлык, который содержит в себе предубеждение об их несостоятельности в целом.

Также одной отличительной особенностью таких детей является то, что, живя в детском доме, они относятся к определенной социальной группе со своими нормами и правилами. Они живут своей «группой», что влечет за собой определенный стиль общения и взаимодействия.

Тем не менее, взрослея, воспитанники детских домов начинают интегрироваться в общество, и успешность их социализации зависит от уровня развития их социального интеллекта.

Библиографический список

1. Аверин В. А. Психология детей и подростков : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1998. – 379 с.
2. Левитская А. А. Доклад директора департамента воспитания, дополнительного образования и социальной защиты детей Минобрнауки РФ на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25.04.2012.
3. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2007. – 416 с.
4. Шипицина Л. М. Психология детей-сирот : учеб. пособие. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 628 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

А. П. Петрова

**Финансово-экономический институт СВФУ,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия**

Summary. This article contemplates a problem of introduction of juvenile justice to the Republic of Sakha (Yakutia). Also we will consider practical history of juvenile justice around the world.

Key words: delinquent; criminal; juvenile justice system.

Что такое ювенальная юстиция, о которой так много говорят в последнее время? Что нас ожидает в случае появления этого института в Республике Саха (Якутия)? Ювенальная юстиция как часть регулирования правовых отношений – новое явление в системе правосудия Российской Федерации и еще не внедрена в Республике Саха (Якутия).

Первоначально ювенальная юстиция (лат. *juvenālis* – юношеский; лат. *jūstitia* – правосудие) трактовалась как правовая основа системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними. Она, как считается, берет свое начало в 70-х годов XIX века, когда граждане американского города Бостона Кук и Аугустус начали предлагать судьям не применять к несовершеннолетним, способным встать на путь исправления, наказания, а передавать их под приглядом органов попечительского надзора.

В июле 1899 года в Чикаго был учрежден первый детский суд. Затем идея ювенальной юстиции получила развитие в Великобритании, где в 1908 году была принята серия законов о детях и молодежи. Во Франции первый ювенальный суд был учрежден в 1914 году на основе опыта США, а первый ювенальный суд в России действовал с января 1910 до 1918 года, но после революции ювенальные идеи были надолго забыты.

Принято считать, что к настоящему времени в мире сложилось несколько моделей ювенальной юстиции: англо-американская, континентальная и скандинавская. Вопрос ювенальной юстиции расколол россиян на два лагеря. Против внедрения ювенальной юстиции в России выступают многие общественные организации, в частности Русская православная церковь.

Несмотря на отчетливо выраженное сопротивление ювенальной юстиции, есть в нашей стране и сторонники введения этого института. Их риторика и аргументация различна, но есть в ней и сходные моменты.

Например, в Ростовской области было сделано многое: созданы согласительные комиссии, позволяющие в случае правонарушений, осуществленных несовершеннолетними, не доводить дело до суда, происходило обучение юристов, которые сопровождают несовершеннолетних в юридических процессах и т. п. В Москве в некоторых школах созданы согласительные комиссии для решения конфликтов несовершеннолетних, а также для возможного внесудебного разрешения проблем, связанных с правонарушениями.

Но существуют и другие модели и составляющие современной ювенальной юстиции. Во многих государствах, кроме судов, они включают юридические структуры, работающие с несовершеннолетними в различных, необязательно именно судебных, ситуациях. А в некоторых странах в систему ювенальной юстиции входят и организации, занимающиеся социальными проблемами детства и социальной защитой несовершеннолетних. Такое положение дел называется «скандинавской моделью».

В понятие ювенальной юстиции необходимо вкладывать как правовую, так и социальную основы. Юридическую основу ювенальной юстиции составляют правовые акты, регламентирующие деятельность ювенальных судов, и нормативные акты, направленные на защиту прав несовершеннолетних. В социальной основе ювенальной юстиции лежат идеи, направленные на воспитание, социальную защиту несовершеннолетнего, на минимизацию подавляющего влияния на детей и подростков процедуры судебного рассмотрения дел и снижение строгости уголовных наказаний.

Специалисты, эксперты признают, что лишение свободы для многих несовершеннолетних – избыточная мера наказания. Нам необходимо изменить свое отношение к детям, следуя примеру

большинства развитых стран, в которых отношение к ребенку, переступившему закон, иное – его не спешат карать, а предпочитают воспитывать, считая, что рецидивист, выросший из малолетнего заключенного, в конечном счете обойдется обществу дороже. Уже более 100 лет известна форма судопроизводства, с помощью которой цивилизованное государство «протягивает руку» ребенку, сделавшему неверный шаг.

Хочется верить, что Россия станет цивилизованным государством, обратясь к своему будущему, детям.

Библиографический список

1. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. – М. : Дело, 2001.
2. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты. – М. : Глобус, 2011. – С. 183.
3. Яровая С. В. Ювенальные суды: за и против // Юрист. – 2008. – № 6. – С. 15

SOCIAL CONSTRUCTION OF SOCIAL WORK IDENTITY IN THE PROCESSES OF ITS INSTITUTIONALISATION

P. Navrátil, P. Bajer
Masaryk University, Brno, The Czech Republic

Summary. The aim of the text is to explain the process of social construction of social work identity / identities, which (the process of social construction) I introduce as an important part in social work institutionalisation. Some social workers think that their work within the frame of their profession has a permanent and unchangeable character. The conception of the permanent and unchangeable character of social work excludes the theory, values and methodology use from possible discussion and reflexive verification. The orientation towards only one model of values, theory and methods runs the risk of harming clients and in a wider sense risks destabilizing social relations.

Key words: social construction; social work; social problems; institutionalisation; professional project.

Social work came into being as a professional project. The term “professional project” follows from the Weberian understanding of society as an environment in which subjects compete for their economic, political and social recognition. We suppose that this effort to establish a social work profession with regard to its professional and status aspects was in western world accomplished. It gave rise to a consolidated theoretical basis; professional associations exist, which control the quality of their community members; ethical codices were established, academic magazines are published and scientific conferences take place [1].

However, several authors notice that the current understanding of social work in the Euro-American area is unclear and full of contradic-

tions [2]. There are voices talking even about social work crisis; there are a number of explanations of the characteristics of this crisis. According to many authors, the crises includes various phenomena, such as professional identity loss, professional borders erosion, lacking profession acknowledgement by society, insufficient numbers of qualified social workers, increase in the numbers of paraprofessionals, high fluctuation level of social workers, social work performance by non-qualified workers, lacking economic resources, social state reduction, etc.

In the Czech Republic, the forming of social work was complicated by the fact, that the process of social work institutionalisation was interrupted several times during the 20th century. In the era of the First Czechoslovak Republic, social work began to advance promisingly, but this development was soon disturbed by the occupation of Czech lands by fascist armed forces during World War II. In the post-war years, communist ideology had negative influence on its development by denying the existence of social problems, which practically prevented the development of a profession that was to resolve them. In the context of these impacts, social work in the Czech Republic developed differently than in countries with democratic regimes. In fact, professional identity was not established here during the 20th century at all. Social work was performed in a few areas only, one of which (the most significant) is represented by the area of child and youth protection. The modern shaping of social work in the post-communist era has been taking place for more than twenty years. During this formation period, social work went through a dynamic search for its professional identity, which is currently anchored in the definitions of its goals, values and conceptions, in its legislation and institutional organisation, and also in well-proven activities of social work professionals. Despite of this, some Czech authors point out that social work as a profession has not been established or only partly [3].

We opine that it is purposeful to explore this multi-faceted phenomenon by means of the term of “*unclear professional identity*”. There are a number of reflections about what may be the reason for the *unclear identity* of social work. One of these theses states that the reason for the unclear identity is a large spectrum of activities that fall within the authority of social workers. It is very probable, however, that the professional identity crisis is related to a number of factors, which extend beyond one sole dimension. Therefore, we suppose that *social work identity is created in multidimensional* processes of social construction, which both create and recreate the social work identity within communication processes. Most important (not exclusive, however) bearers of this communication about social work are also social workers and social work recipients (clients, users of social services). Although it is indisputable that other important actors (profession-oriented educational institutions, politicians, employers of social workers, ect.) play a role in the social construction and identity of the profession, the former bearers shall be

the ones, whose perceptions and social work constructions would be interesting to make the key subject of empirical research.

The text proceeds from the social constructivism theory [4]. Its fundamental presumption states that reality is an intersection of objective facts and subjective interpretations. In the context of social constructivism institutionalisation happens through knowledge sharing in social processes, which organise the knowledge and make it objective. By repeating them, social activities become *reality* and people start considering them as *given*. Human behaviour is influenced by conventions based on shared knowledge. These conventions become institutionalised, as soon as a certain amount of people agrees with a way of understanding a specific aspect of society. Then, such a way of understanding is legitimised in a process, during which it receives certain meanings, which integrate such conception within an organised and acceptable system. Such conception of reality becomes objective, because it is widely shared. One of institutions created in this way is also formalised help to people (social work).

It seems indisputable that social and cultural factors condition both the contents and forms of social work [5]. Despite of this, some authors state that certain *elements* form its part always and everywhere [6]. Payne considers *social workers, clients* and *context* as such elements. Although this list may be regarded as sufficient, I opine that it would be more adequate to extend it by another general structural element – *social problem*. Its social definition is a prerequisite for the realisation of social work activities. Social work as a profession and a specific activity was established as a reaction to the need to resolve certain social problems. Therefore I surmise that social problem belongs to the fundamental elements that define the structure of social work. Hence, in our text, it is important to follow, *how social construction of social work is performed on the level of these four elements*.

Everyday experience shows that cohabitation of people in a society is burdened by various conflicts and problems, from which *some only* gain the significance and a status of a social problem. Neither science, nor any other institution has a generally accepted list of criteria, based on which it would be possible to determine, what a social problem is and what not. Both political decisions and research works are often *influenced by society's attitudes* in this matter. As has been stated above, there is no unified, scientific-research approach to this question. Sociologists define social problem according to the concept chosen by them as their explanation scheme [7, 8]. From the viewpoint of social work, the theory chosen plays a significant role in the processes of social situation assessment. This text proceeds primarily from the value conflict theory and labelling theory, as interpreted by Herbert Blumer [9]. Blumer [9: 102] writes: “*social problems are a result of a process of collective definition*”. His concept enables to capture the social-constructivist aspect of social problem definition. A number of other authors also support the

opinion that social problems are primarily constituted in the collective social-constructional process [10].

The *role* of a social worker is constructed by *professional expectations*, by which we understand a set of presumptions that specify his / her tasks and social processes, in which they become social workers [11]. Professional expectations are influenced by the history of social work, its relations with other professions and social institutions. Professional expectations can vary with regard to socio-cultural conditions, and they cannot be considered as indisputably given; often, they are perceived by social workers as threatening [12] and dilemmatic [13, 14]. There are a number of roles, which social workers can play. The role of social worker includes the role of *defender, counsellor, case worker, partner, risk assessor, care manager and social control agent*. This list is without doubt not exhaustive. It rather hints at the conflict potential of these roles.

It is practically impossible to identify all factors that take part in the changes of the social construction of social worker's role. Even a number of social processes and institutions that have no direct connection to the academic or practical level of social work play a significant role in forming its character. As an example, let us name legislation changes, interests of other professions, etc. Perception of social needs by politicians and the public influences the society's reaction to these needs. Political debate, media presentation of social worker's role has an impact on its perception, and, in connection with this, on the tasks and focus of social workers [15, 16]. Social worker's goals will be defined in one way in an organisation, where social work is a dominant profession, in a different way there, where another profession dominates (health care institutions, youth detention centres). The relationships between the state, the employers and employees may play a significant role, too. In the countries, where employee conditions are negotiated with the participation of trade unions (or other professional associations), these bodies influence the character of work [17].

Some of the social groups and institutions mentioned above stand in conflict – potentially or actually. The academic development of social work can be prevented by the interests of other professions. There may be a conflict between the employer's social work tasks definition, political requirements and a professional definition. The above named actors and possibly other interest groups influence public meaning, organisational structures, the political system and legislation, in order to strengthen their control both over the theory and definition of social worker's performance and role [18]. The matter of unclear definition of social worker's role has even a stronger impact on the new areas of international social work [19].

Whether someone is considered a client or not, is a matter of perception (Parton and O'Byrne 2000b). If people consider somebody a client, they can treat him accordingly. His / her own status definition has

a certain influence, however not decisive. Formally labelling a person as a client is also significant. It can be the source of such perception or of its reinforcement. Such perception can be shared by the client, social workers, people from other organisations, the client's family members, etc. The client status may persist, although social work for a client was interrupted or terminated. The client status can be linked with a certain category of people. For example, it can be connected with a specific social class, a territory, etc. The client status may be related to a stigma. To be a client is not a state, but rather a dynamic process. People become clients, act in the client role and also abandon it [6].

Social work is performed in the context of an organisation – e.g. within a group of people, which was established to achieve certain goals. An organisation is a set of social relationships that influence the social construction of social work. Organisations stand under by economic, political, organisational and academic pressure, which also influences both social workers and clients. The currently most important factor having a significant impact on social work identity is the welfare state revision.

Bibliography

1. Payne, M., *What is Professional Social Work?* 2006, London: Policy Press.
2. McDonald, C., *Challenging Social Work: the context of practice.* 2006, New York: Palgrave Macmillan
3. Chytil, O. (2007) Epilogue: Walter Lorenz – Social Work – Central and Eastern European Countries. *Social Work & Society* 5.
4. Berger, L. P. and T. Luckmann, *The social construction of reality.* 1966, New York: Doubleday.
5. Navrátil, P. and L. Musil, *Sociální práce s příslušníky menšinových skupin. Sociální exkluze a nové třídy*, 2000(5): p. 127–163.
6. Payne, M., *Modern Social Work Theory.* 3. ed. ed. 2005, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. Qureshi, H., *Evidence in Policy and Practice: What Kinds of Research Designs?* *Journal of Social Work*, 2004. 4(1): p. 7–23.
8. Frič, P., *Sociológia sociálnych problémov v USA.* *Sociológia*, 1989(21): p. 633–647.
9. Blumer, H., *Soziale Probleme als kollektives Verhalten*, in *Menschliche Bedürfnisse und Soziale Steuerung*, K.v. Hondrich, Editor. 1975, Quelle und Hayer: Hamburg. p. 102–113.
10. D'cruz, H., *The Social Construction of Child Maltreatment: The Role of Medical Practitioners.* *Journal of Social Work*, 2004. 4(1): p. 99–123.
11. Havrdová, Z. and L. Zamykalová, *Profesní struktura a kvalifikační předpoklady pracovníků v sociálních službách.* 1 ed. 2001, Praha: VÚPSV.
12. Ševčíková, S. and P. Navrátil, *Sociální práce jako institucionalizace rizika v pozdně moderní době.* *Sociální studia*, 2010. 7(2): p. 19.
13. Musil, L., *"ráda bych Vám pomohla, ale": dilemata práce s klienty v organizacích.* 1 ed. 2004, Brno: Marek Zeman.
14. Nečasová, M., *Profesní etika*, in *Metody a řízení v sociální práci.* 2003, Portál: Praha. p. 21–49.
15. Lorenz, W., *The European Perspectives in Social Work*, in *Blackwell Encyclopaedia of Social Work*, M. Davies, Editor. 2000, Blackwell: Oxford.

16. Munday, B., *European social services: A map of characteristics and trends*,. 2003, Strasbourg: Council of Europe.
17. Birkenmaier, J., D. McGartland Rubio, and M. Berg-Weger, Human Service Nonprofit Agencies: Studying the Impact of Policy Changes. *Journal of Social Work*, 2002. 2(2): p. 133–147.
18. Wilensky, H. L. and C. N. Lebeaux, eds. *Society and social welfare: The impact of industrialization on the supply and organization of social welfare services in the United States*. 1965, The Free Press: New York.
19. Midgley, J., *Issues in International Social Work: Resolving Critical Debates in the Profession*. *Journal of Social Work*, 2001. 1(1): p. 21–35.

III. ОБЩЕСТВО РИСКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЩЕСТВО РИСКА

Т. О. Чусова

Пермский институт железнодорожного транспорта,
г. Пермь, Пермский край, Россия

Summary. Modern society – is society of risk. Within the theory of risk presented the concept of U. Bek, Giddens, N. Luhmann, A. Janicki, P. Sztompka. A key characteristic of a society of general risk is the ousting of the production risks of production of social wealth.

Key words: risk; society of risk; safety.

Современное общество может быть определено как «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «постэкономическое общество» (Д. Белл, В. Л. Иноземцев), «информационное общество», «планетарное информационное общество», «устойчивое общество» и даже «планетарное гражданское общество» (Н. Моисеев, Д. И. Львов) [1], но, прежде всего, это «общество риска».

Риск – обратная сторона потребления и комфорта, потеря которого вызывает такой же страх, как потеря собственной идентичности.

Основной смысл понятия риска в самом общем виде заключен в терминах «ценность» и «вероятность» («неопределенность») последствий. Риск неустраним из социальной жизни, а пределы безопасности создаются самим обществом [2, с. 13, 18].

Понятие безопасности многозначно: как общенаучное понятие – это необходимое свойство, атрибут живой материи, а также условие функционирования и самосохранения биосоциальных организмов, систем; как общесоциологическое понятие – качественная характеристика устойчивого развития социальных, социетальных и социокультурных систем; как специализированное понятие – защищенность объектов безопасности, их определенное состояние, при котором они способны противодействовать угрозам; как социокультурное понятие – конкретная историческая форма обеспечения безопасного развития [3].

Для социологического анализа безопасности в современном обществе наиболее значимыми являются теоретико-методологические основы теории риска, разработанные в трудах У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса, П. Штомпки, О. Яницкого.

Концепция «общества риска» У. Бека основывается на теории модернизации, в рамках которой риск – действие ее механизмов. Индустриальное общество как общество благ уступает место «обще-

ству риска», в котором риски сознательно производятся обществом и подрывают установленную систему безопасности.

Н. Луман рассматривает риск как ситуацию у порога катастрофы, т. е. как готовность принять его как неизбежную данность. При этом, по его мнению, разные социальные группы имеют свои критерии отбора риска, с учетом качества информации, которой они располагают.

По его мнению, «современное общество рассматривает опасности со стороны риска и воспринимает их всерьез только как риски» [4, с. 136, 154].

Э. Гидденс считает, что жить в эпоху «поздней современности» (late modernity) значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории. «Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасностей с точки зрения будущих последствий» [5, с. 107].

По определению П. Штомпки, риск и угрозу несут в себе уже сами социальные изменения, независимо от их содержания, т. к. любое изменение в социальной жизни сопряжено с ломкой системы норм и ценностей, что, по сути, тождественно социальной травме [6, с. 6–8].

По определению О. Н. Яницкого, российское общество постепенно трансформируется в общество всеобщего риска, которое не имеет доминирующего взгляда на мир.

Его сущностным качеством является двузначность: то, что для некоторой группы выступает благом, позитивом, то для ее оппонентов и для среды, в которой она функционирует, является риском, бедствием. Для данного общества характерны вынужденные, а потому негативные солидарности, т. е. противоестественные общности людей с противоположными интересами и ценностями, а также с различными социальными статусами, которые вынуждены (в целях самосохранения) взаимно поддерживать друг друга.

В итоге ключевой характеристикой общества всеобщего риска является опасный сдвиг к перемене знака: производство рисков угрожает вытеснить производство общественного богатства, будь то здоровье общества, его интеллектуальный потенциал, товары или услуги [7, с. 24, 31].

Таким образом, «общество риска» – это определенная стадия развития социальности, которая характеризуется генерированием рисков, опасностей и угроз, нестабильностью, неопределенностью, двойственностью, отсутствием четких критериев поведения в обществе, снижением ценностей нормативно-регулятивного ряда, а в качестве основы социальной солидарности людей выступают риск и безопасность.

В целом вышеперечисленные теории риска объединяет критическое отношение к социокультурным особенностям «поздней современности».

Библиографический список

1. См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999 ; Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. – М., 1998 ; Моисеев Н. Универсум, информация, общество. – М. : Устойчивый мир, 2001 ; Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы Российской экономики. / под ред. Д. С. Львова. – М., 1999.
2. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. – 2003. – № 1.
3. Викторов А. Ш. «Социология безопасности». URL: http://kuznetsovvn.ru/files/course/1_1.doc (дата обращения: 12.06.2012).
4. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – № 5.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социальные исследования. – 2001. – № 1.
7. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. – 2003. – № 1.

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ КРИТЕРИЙ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Е. В. Щекотин

**Новосибирская государственная академия
водного транспорта, г. Новосибирск, Россия**

Summary. A riskological conception of “quality of life” is presented in the article. The estimation of “quality of life” is offered to realize on the basic of analysis of risks.

Key words: safety; quality of life; risk; risk society; quality of life management.

В развитом индустриальном обществе понятие «безопасность» приобретает фундаментальное значение. В предшествовавших обществах, например в аграрном, безопасность связывалась с проблемой выживания, голода. Поэтому безопасность, в сущности, связывалась исключительно с экономическими факторами. В то же время, когда ощущение уязвимости, вызванное угрозой голода, значительно ослабло, требования безопасности стали распространяться на иные сферы общества: политику, культуру, быт и т. д. Экзистенциальная безопасность, т. е. защищенность человека от непосредственных угроз его существованию, стала основой для более широкого понимания этого слова. Помимо уверенности в гарантированном уровне жизни, который позволяет не заботиться о выживании, человеку потребовалась уверенность в других своих правах.

Чувство экзистенциальной безопасности создает необходимые предпосылки для раскрытия человеческих возможностей. По мере

укрепления экзистенциальной безопасности люди требуют больше возможностей для себя, они хотят большего разнообразия этих возможностей. Следовательно, возникает необходимость гарантировать безопасность в политике, праве, семейной жизни, в области религии и т. д. Этот процесс стремительного расширения возможных стратегий поведения, разрастания поля выбора человека, безусловно, стал возможен только благодаря усилению безопасности человека в обществе. Он уже не боится столкнуться с угрозой насилия и дискриминации, если выбирает нетрадиционные, не принятые прежними обществами стратегии поведения. Экзистенциальная безопасность породила возрастание общей защищенности (безопасности) человека в общества.

Взросшие возможности для индивидуального выбора человека реализовались благодаря расширению поля безопасности, защищенность человека из экономической сферы растекается на иные области жизнедеятельности. Но этот процесс имеет и обратную сторону. Детрадиционализация и индивидуализация имеют также негативные последствия. Их можно обозначить как рост неопределенности вследствие разрушения традиционной системы ценностных ориентиров. Рост неопределенности, в свою очередь, приводит к ослаблению безопасности человека в обществе и генерирует новые опасности и угрозы.

В развитом индустриальном обществе, где непосредственные экзистенциальные опасности (голод, болезни, нищета и т. д.) отошли на второй план, актуализируется проблема безопасности в более широком контексте – как безопасность для возможностей человеческого выбора, т. е. как снятие ограничений свободы выбора. Сущностью процесса детрадиционализации в самом широком смысле и является устранение сдерживающих человеческий выбор нормативов, поддерживающих их социальных институтов, ограничение их «репрессивных полномочий».

Однако здесь возникают два фактора, которые требуют анализа происходящих процессов в терминах риска. Во-первых, рост неопределенности в обществе и природе приводит к тому, что риск становится атрибутом социальной реальности. В прежних обществах риск отсутствовал, т. к. отсутствовала случайность и неопределенность: традиция и религия исключали этот элемент из жизни общества, принося порядок. В современном же обществе, когда нет больше готовых ответов, и решение является индивидуальным выбором каждого человека, влияние риска на жизнь существенно возрастает. Здесь имеется риск неверного решения, которое может привести к пагубным последствиям. Как отмечает З. Бауман, «в наши дни рискованность не является делом выбора; это сама судьба» [1, с. 194].

Достигнув экзистенциальной безопасности и получив политические и правовые гарантии реализации своих возможностей, чело-

век столкнулся с новыми опасностями и угрозами – с двойственностью и неопределенностью, которую мы наблюдаем в природе и обществе. Реализацией этих угроз и опасностей стали риски: в первую очередь разнообразные экологические, техногенные и природные риски; детрадиционализация привела к появлению многочисленных социальных рисков и размыванию традиционных форм социальной жизни.

Во-вторых, необходимо учитывать, помимо угроз возможностям человека, его выбору, также риски, которые могут вызывать реализации самих этих возможностей. Выбор человека является свободным до того момента, когда он начинает ограничивать выбор кого-либо другого. Этот фактор также необходимо учитывать, т. к. реализация человеческого выбора может нести риски другим людям.

Таким образом, в обществе риска безопасность становится главным ориентиром деятельности его социальных институтов, поэтому именно безопасность должна стать важнейшим критерием качества жизни населения. Она показывает уровень защищенности, стабильности и устойчивости, что является важнейшим условием жизни людей.

В отечественных научных исследованиях качество жизни, как правило, определяется как степень удовлетворения тех или иных потребностей [2, с. 141; 3, с. 9; 4, с. 553; 5, с. 79 и др.]. На наш взгляд, в современном «обществе риска» такая позиция представляется не соответствующей социально-экономическим реалиям.

Стратегической целью деятельности государства в широком смысле, как социального института, является постоянное повышение качества жизни населения, под которым понимается улучшение условий жизнедеятельности людей. Оценка улучшения условий жизнедеятельности представляется крайне трудной задачей. Принимая в качестве критерия качества жизни удовлетворенность тех или иных потребностей, мы не принимаем во внимание само содержание потребности и насколько данная потребность соответствует желанию самого индивида.

Количество определенных благ, приходящихся на одного человека (денег, врачей, квадратных метров жилья, автомобильных дорог и т. д.), не говорит ничего о содержании этого блага, о его качестве. Оценка качества жизни по субъективной удовлетворенности также сталкивается с серьезными теоретическими и методологическими затруднениями. Например, доказано, что существует сильная зависимость удовлетворенности человека своей жизнью (счастья) от психологических, этнокультурных и религиозных факторов.

Кроме того, оценивая качество жизни через удовлетворенность потребностей индивида, исследователи подходят только с одной стороны – с точки зрения индивида, потребителя, но не учитывают интересы общества. Интересы общества – это широкое понятие, сю-

да можно отнести и интересы будущих поколений, и необходимость охраны окружающей среды, и многое другое, что невозможно учесть, измеряя качество жизни по критерию существующих (или возможных в будущем) потребностей.

Эту ситуацию можно изменить, если использовать для оценки качества жизни понятия безопасности и устойчивого развития. Безопасность как критерий качества жизни позволяет учесть как интересы отдельного индивида, так и интересы общества, соединив их в единый комплекс. Безопасность понимается здесь в предельно широком смысле – как рискозащищенность от разнообразных опасностей, которые могут нарушить нормальное течение жизни индивида и общества (т. е. вывести из состояния устойчивого развития). Такие опасности в современном обществе приобретают форму рисков, и по мере усложнения технологических и социальных систем их воздействие на жизнь как отдельного индивида, так и всего общества становится преобладающим.

Нами выделено четыре основных типа рисков, которым соответствуют четыре системы безопасности в обществе, призванные защитить от воздействия этих рисков. По типам рисков выделяются природно-техническая, социальная, финансово-экономическая и политико-правовая безопасности, каждая из которых представляет собой совокупность мер, необходимых для защиты от неблагоприятного воздействия соответствующего типа риска.

Уровень того или иного риска будет свидетельствовать об эффективности соответствующих принятых мер безопасности. Деятельность по планированию и осуществлению данных мер является непосредственной функцией государственного управления. Поэтому, на наш взгляд, закономерно трактовать уровень рискозащищенности населения, т. е. уровень обеспечения безопасности, как основной критерий оценки эффективности управленческой деятельности в области качества жизни.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М. : Логос, 2002.
2. Глухов В. В., Окрепилов В. В. Управление качеством жизни. – СПб. : Наука, 2008.
3. Калинина Г. В. Методологические проблемы анализа социального развития и качества жизни общества : автореф. ... д-ра филос. наук. – Чебоксары, 2007.
4. Квалиметрия жизни / Азгальдов Г. Г., Бобков В. Н. и др. – М. : ВЦУЖ; Ижевск : Изд. ИЭиУ УдГУ, 2006.
5. Охотников И. В. Качество жизни как критерий национальной конкурентоспособности. – М. : МАКС Пресс, 2006.

ТАНЦУЮЩИЙ МЕДВЕДЬ КАК СОЦИОАНТРОПОКОСМИЧЕСКИЙ СИМВОЛ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА

Б. А. Дорошин

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. This article discusses problem of the correlation characteristics of the society, the ruler and his symbolic notation. Some archetypal aspects of the image of a bear in the context of the dialectic relation of his mythological correspondences and their antagonists in the myths about the duel with the chthonic beast are discussed. Archetypal aspects of the image of a bear and mythological personages, isomorphic to him, are mapped to the characteristics of Russian society at the end of the XX century, and President B. N. Yeltsin.

Key words: society; leader; ruler; socioanthropocosmism; sociocosm; image; symbol; myth; archetype; Trickster; postmodernity.

Мир – велик человек.

Русская пословица.

В условиях кризиса российской цивилизации, продолжающегося со времени крушения ее советской модели, в силу политической, социальной и культурной маргинализации российского общества в нем происходит интенсивный поиск идентификационных оснований, часто осуществляемый в форме подражаний, заимствований и сравнений, посредством метода аналогии, характерного для первобытного и детского мышления. Это обуславливает возможность широкого и довольно эффективного использования в общественно-политической практике мифотехнологий.

Проблема малой привлекательности или непривлекательности образа России для многих людей, как проживающих за ее пределами, так и для значительной части ее граждан, предопределяет особую значимость формирования посредством мифотехнологий привлекательного образа первых лиц государства, т. к. именно они во многом определяют восприятие власти и страны. В этом контексте использование мифотехнологий предполагает раскрытие архетипической специфики героической личности не только лидера, но и каждого члена общества [13, 52–53], так или иначе идентифицирующегося с лидером. В контексте данных ассоциаций образ лидера обнаруживает символическую природу. С последней связано, в частности, формирование в средневековой Европе доктрины о двух телах короля – бессмертного, идентифицируемого с короной и государством, и смертного, приватного тела индивида [15, с. 16]. Первое из них можно рассматривать как прототип или историческую параллель образов позднейших лидеров в их символических аспектах,

используемых в мифотехнологиях. Символическое определение коллективного субъекта (общности, института) через персону лидера или руководителя можно обнаружить в языковых формулах, возникших в разное время и в разных обстоятельствах: «Каков поп, таков и приход» (русская пословица); «Государство – это я!» (афоризм, приписываемый Людовику XIV); «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин» (советский лозунг – цитата из стихотворения В. В. Маяковского); «Мы – это Россия, Россия – это Путин» (слоган российского молодежного движения) [8].



В качестве одного из мифологических образов, символизирующих одновременно политического лидера и страну, в постсоветской России был актуализирован образ медведя. Его мифологическая семантика антропокосмична: с ним ассоциированы первопродок людей (в силу морфологического сходства тел медведя и человека); хтоническая область мироздания (имевшая также антропоморфную репрезентацию – Мать сыра земля); области звездного неба – Плеяды, Большая Медведица и Полярная звезда, символизовавшая центр мироздания; а также возможность перехода человека к различным уровням мироздания посредством магических практик и возврата к единству с природой через обращение в медведя. В социальном пространстве традиционного общества он символизировал элиту, выполнявшую священнические и управленческие функции, и представлявшую тип царя-колдуна, описанный Дж. Фрэзером [5, с. 211–214].

С образом медведя в силу особенностей своей внешности, поведения и происхождения в постсоветское время был ассоциирован прежде всего Б. Н. Ельцин. Своими радикальными политическими и социально-экономическими реформами первый президент России способствовал формированию новой российской политической системы и новых социальных групп, в частности, наиболее заметной и

амбивалентно значимой для складывавшегося при нем общественного строя – предпринимателей-наторишей («новых русских»), стремительно и нередко по-медвежьи нахраписто обогатившихся на волне первоначального накопления капитала 1990-х гг. В свете этого ассоциация Б. Н. Ельцина с образом медведя видится соответствующей такому мифосимволическому аспекту данного образа, как медведь-первопредок (тотем).

В славянском язычестве образ медведя переплетался с образом Велеса – «скотьего бога», покровителя хозяйства и богатства. В этом контексте представляется мифосимволически закономерной ассоциация Б. Н. Ельцина как правителя, осуществившего масштабные рыночные преобразования, способствовавшие получению огромных богатств определенной частью общества, с медведем как зооморфной персонификацией бога Велеса.

Согласно В. В. Иванову и В. Н. Топорову, в славянской мифологии Велес считался участником одного из вариантов космогонического мифа, сюжет которого заключался в победе небесного бога / героя / царя над змеем / драконом / иным хтоническим или приземленным персонажем [6]. Но, как отмечают некоторые исследователи, в этом мифологическом сюжете побеждаемый персонаж символизирует в своей глубинной сути лишь другой аспект самого победителя [10, с. 538; 15, с. 10; 12, с. 225]. В данном контексте ассоциация Б. Н. Ельцина с образом медведя, являющегося зооморфной репрезентацией одной из находящихся в борьбе и единстве противоположностей – действующих лиц данного сюжета, позволяет интерпретировать с точки зрения их диалектики основные вехи политической деятельности первого российского президента, оказавшиеся судьбоносными для общества.

Ее начало ознаменовалось сокрушением по инициативе Б. Н. Ельцина советской государственности в ее территориальном и институциональном измерениях, как субстанции косной и отторгающей курс реформ, подобной склонному к спячке и буйству хтоническому существу (Родина-мать / Мать сыра земля / «Большая Медведица»). Социокосм «новой России» был создан ее первым президентом на обломках хаотизированной неудачной перестройкой и этнополитическими противоречиями Советской империи, подобно тому, как в шумерской мифологии небо и земля были созданы верховным богом Мардуком из тела поверженной им женской персонификации водного хаоса Тиамат [1, с. 110]. Соотносимый с образом небесного бога героический аспект образа Б. Н. Ельцина ассоциируется с его обличительным выступлением в адрес пугачистов с брони танка в августе 1991 г., а грозный – с расстрелом по его решению Дома Советов в октябре 1993 г.

Однако «новая Россия» оказалась весьма слабо космизированным (упорядоченным) социальным пространством. Этнические,

финансово-экономические и попросту криминальные силы хаоса сотрясали его в течении «лихих 90-х», и все чаще главным виновником и олицетворением их разгула представлялся стареющий, все более нездоровый и злоупотребляющий спиртным президент. В период его второй предвыборной кампании, когда Б. Н. Ельцин несколько раз публично пускался в пляс, демонстрируя свою хорошую физическую форму, возник противоречивый образ «танцующего медведя», вызывавший преимущественно раздражение, так как связывался либо с опьянением, либо с грустным зрелищем молодящегося пожилого и больного человека, с действиями на потребу публике, по чьей-то чужой команде. Однако некоторые исследователи усматривают в этих действиях не только отрицательное, но и положительное значение – проявления нового, более легкого, динамичного, импровизационно-креативного стиля, отражающего переход от индустриальной стадии в развитии общества к постиндустриальной. В свое время еще Ф. Ницше предлагал в качестве стратегии преодоления «духа тяжести» философствование в «ритме танца», главная цель которого – создание дистанции от господствующих технологий управления и практик поведения. Танец как форма «дионисийского» или «растратного» поведения в состоянии аффекта, достигаемого в том числе в результате опьянения [7], характерен для практики шаманов, одной из чудесных способностей которых у северных народов считалось обращение в медведя. С учетом этого можно полагать, что образ «танцующего медведя» не так уж ярмарочен, лубочен, комичен и постмодернистски легок, как это кажется на первый взгляд, и, напротив, влечет за собой достаточно глубокие мифосимволические и архетипические корни, связывающие его с некоторыми семантически близкими, в определенной мере изофункциональными, и, вероятно, генетически родственными образами.

Исследовавшие проблему влияния народов севера Евразии на индоариев Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский отмечают шаманские черты у индуистского Шивы (Рудры) – «божества могучей силы и экстаза», с распущенными спутанными волосами танцующего в небе, опьяняющегося священными напитками и наводящего ужас на всех, кто видит его [2, с. 112]. Шива (Рудра) не олицетворяется образом медведя, но имеет определенные сходства с ним и представляемым в его обличье Велесом, очевидно восходящие к древнейшему индоевропейскому комплексу представлений или прообразу. Это и мощь, и волосатость (Велес именовался также Волосом, волосатым, волохатым); и связь с магическим действием (шаманским экстазом, волхованием) и опьяняющими напитками; и то, что Рудра и Велес олицетворялись образом быка (Велес – наряду с образом медведя) [11, с. 424, 429; 10, с. 563; 14, с. 389]. Особенно примечательно то, что и Шива, и интегрированный в его образ Рудра, и Велес были связаны с разрушением и смертью [4, с. 643; 14, с. 389; 11, с. 426]. Именно

этот, деструктивный аспект мифологических персонажей, связанных с экстазом и пляской, и, вероятно, имеющих общую архетипическую основу с образом «танцующего медведя» как символической репрезентации Б. Н. Ельцина, представляется наиболее существенно коррелирующим с социокультурным значением упомянутых выше «расстратных» [7] президентских плясок. Они действительно знаменовали собой, и в той или иной мере стимулировали, как некий акт социальной магии, разрушение части монументальных имперско-советских атрибутов российского общества, предпосылающее частичную и во многом постмодерново-театрализованную реставрацию «державности» в последующий период.

В связи с этим стоит учесть, что и образ пляшущего ярмарочного или циркового мишки, пародийный в отношении некогда сакрализованного тяжеловесного и грозного «лесного хозяина», и образ Велеса в его схождениях с такими персонажами, как Гермес, Локи и черт, представляют архетип Трикстера [10, с. 558–562] (от англ. *trickster* – обманщик, ловкач) – шута и пересмешника, нарушающего устоявшийся порядок и профанирующего святыни ради плотского удовольствия либо из озорства [9, с. 26], вполне соответствуя в этой последней мотивации актуальным для постмодерна симпатиям к игре и иронии. Трикстеру свойственны хитрость, преступность, испорченность и аморальность [12, с. 389] – качества людей, широко проявляющиеся в обществе, переживающем аномиию трансформационного кризиса.

«Танцующий медведь» – емкий символический образ, социоантропокосмический с точки зрения совпадения в нем значения персоны Б. Н. Ельцина в соответствующем действе, подобно Шиве в его трансформирующем космос танце, моделировавшего динамику российского социокосма, и состояния самого этого социокосма, пустившегося, не без внешнего содействия, в безудержное и во многом саморазрушительное движение освобождения от «тяжкого наследия» советского модерна (включая мощный ВПК, передовую фундаментальную науку, общедоступные и системно целостные здравоохранение и образование, стабильный и предсказуемый «жизненный мир» советского человека) и погружения в чарующе-лукавое и карнавально-фантазмагорическое наваждение постмодерна, что побуждает вспомнить о нисхождении шамана в результате экстатической пляски в какой-либо из инфернальных «навьих» миров с его беспрестанными шокирующими метаморфозами.

Мифы и символы глубоко и надолго, если не навсегда, вплетены в социальное бытие. Репрезентируемые ими архетипические структуры образуют те силовые поля, которые в значительной степени обуславливают социальные действия и их последующее восприятие и осмысление, а те, в свою очередь – последующие социальные действия. Их влияние обладает значительной протяженно-

стью, и они, вероятнее всего, развиваются в целом в соответствии с теми же закономерностями, что и структуры чувственно постигаемой объективной реальности [3, с. 356, 359]. Учитывать это необходимо и тем, кто заказывает и реализует мифотехнологии для «корректировки действительности» прежде всего на уровне коллективных представлений, и тем, кто предполагает себя в качестве объекта этих технологий, а в особенности – тем, кто хочет избежать нежелательных эффектов этого рода социальной магии.

Библиографический список

1. Афанасьева В. К. Мардук // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 110–111.
2. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – М. : «Мысль», 1983. – 206 с.
3. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. – 480 с.
4. Гринцер П. А. Шива // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 642–644.
5. Дорошин Б. А. Основные архетипы социальной элиты в мифологических представлениях народов Поволжья // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 2 (23). – С. 209–217.
6. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М. : Издательство «Наука», 1974. – 342 с.
7. Литовская М., Кропотов С. Русский медведь из медвежьего края: интерференция традиционной зоосимволики и персональных свойств личности в репрезентации первого президента РФ // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 368 с. Отрывок // ПостНаука. URL: <http://postnauka.ru/longreads/5707> (дата обращения: 28.10.2012).
8. МГЕР уличили в вымогательстве детских рисунков к юбилею Путина // LENTA.RU. Издание Rambler Media Group. URL: <http://readers.lenta.ru/news/2012/10/04/pictures/> (дата обращения: 28.10.2012).
9. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 25–28. (дата обращения: 28.10.2012).
10. Наговицын А. Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. – М. : Академический Проект, 2005. – 656 с.
11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
12. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. Пер. с англ. – М. : ЧеРо, 1997. – 416 с.
13. Ступин М. М. Социальная мифология в России: на пути от архетипа к социальной технологии // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Сер. Философия, Психология, Педагогика. Вып. 2. – С. 50–54.
14. Топоров В. Н. Рудра // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 388–389.
15. Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с.

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ СТАЖИРОВОК ЗА РУБЕЖОМ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ СФЕРЫ И РЕПАТРИАЦИЯ

О. Н. Лакизюк

Университет города Билефельд, Германия

Summary. This article considers the relevance of academic exchanges in view of the influence on the self-concept of scientists and changes within the society on the social, economical, political and scientific level. Further it is dealing with the specifics of elite education in different countries, showing thereby strenghten and disadvantages of particular approaches. Finally it discusses relevant forms of repatriation support of this target group.

Key words: elite education; repatriation; academic exchanges.

В настоящее время многие люди учатся не только в своей стране, но и за рубежом. Подобный выбор может быть мотивирован различными причинами, основные из них можно обозначить следующим образом: неудовлетворительная ситуация на рынке труда и образовательных услуг, институциональное и инфраструктурное развитие, плохо развитые законы, налоги, криминальная ситуация, политическое и религиозное давление, культурные нормы, жизненные стандарты и бытовые условия, мобильность внутри страны и за ее пределами, развитость транспортных систем, климатические условия, высокий прирост населения и тесно заселенная территория, невысокий уровень здравоохранения, плохо развитые социальные гарантии, служба в армии, семейная политика и отсутствие привилегий для высококвалифицированных людей [25]. Данный академический опыт влияет на различные сферы общества и на накопление личностного капитала. Здесь можно выделить такие важные аспекты, как: развитие рынка труда и инноваций; обмен технологиями; развитие инфраструктур, гетерогенности общественных сфер и стилей жизни; культурный обмен и обмен ценностями; расширение круга СМИ, которыми пользуются люди; приток капитала; повышение ценности науки в обществе; обоюдное изменение фундаментальных структур общества за счет разностороннего обмена опытом; рост политического интереса, осведомленности и ответственности; снижение фигурации; растущая глобализация и локализация национальных культур, а также рост социального контроля [9; 11; 23; 10].

Для любого общества важно, помимо расширения экономического и общественного секторов, улучшения коммунального развития, также воспитывать собственные элитные круги, которые могут отвечать на различные вызовы современного общества. Данная цель возможна зачастую только в ситуации интенсивного обмена опытом с другими странами и трансфера собственных знаний в мировую науку. В этой статье будет рассмотрена роль элит в современном

обществе на основе теоретических и практических исследований, которые я провожу на данный момент в рамках хабилитации по теме «Локальные и глобальные сферы жизни: влияние учебы в Германии на профессиональную жизнь и личностный концепт ученых из Российской Федерации».

Определение понятия «элита», характеристики данной целевой группы и специфика воспитания элит в различных странах

Само слово «элита» переводится с французского как «лучший», «избранный», «отборный». Нужно сказать, что определение этого понятия не сильно различается в подходах классических и современных авторов. В основном речь идет о специфической социальной группе, у которой по различным причинам (социальное происхождение, наследственные факторы, результаты выборов, кооптация, корпоратизм, принадлежность к военным структурам, интеллектуальное развитие, креативный и социальный интеллект) есть доступ к таким общественным ресурсам, как финансы, политика, социальный статус, наука, производство и престижные социальные группы [27; 1; 12; 28].

При этом классические подходы больше фокусируют внимание на диспропорциональном или нечестном распределении ресурсов по сравнению с современными подходами. Последние больше интересуются такими исследовательскими темами, характеризующими элиту, как идентичность, профессиональное и социальное развитие, социальное происхождение, гендерные роли, черты характера данных социальных групп, их стиль работы, достигнутые профессиональные результаты, привилегии и ресурсы [17; 7]. Небольшое исключение из современных теорий составляют те авторы, которые занимаются несправедливым распределением ресурсов в отношении равенства полов, возможностями публикаций научных исследований в различных издательствах и доступом к высоким научным позициям [13].

Интересно заметить, что причины и следствия в отношении принадлежности к элитным кругам сильно переплетены. Деньги как причина принадлежности к элите и как результат членства в престижных социальных организациях; политика как причина доступа к различным ресурсам и как единичный ресурс, которого можно достигнуть за счет других благ; социальный статус как входной билет в престижные компании, организации и политику и как возможность, достигаемая при помощи успеха в бизнесе, науке и политике. Общий уровень интеллекта является же в большинстве подходов только данным ресурсом, а не достигаемым в ходе процесса результатом, потому что прогресс или результаты обычно измеряются материальными благами. Причиной этого феномена может

отчасти служить тот факт, что все знаменитые исследователи или другие группы людей, которые были нацелены на когнитивное развитие как на главный результат, склоняются к тому, чтобы уйти после определенного промежутка времени от активной исследовательской или профессиональной деятельности и посвятить себя самостоятельной работе [13].

Все концепты воспитания элит также сходны во мнении, что одной из важнейших характерных черт данной целевой группы является власть. Имеются в виду возможность доступа к различным социальным благам, к распределению ресурсов, социальный статус и квалификации. В данной связи важно не забывать о том, какое значение имеют на сегодняшнее время знания. Современное информационное общество сильно зависит от (профессиональных) знаний, за последние годы культура ценности знаний обрела большее значение, чем, например, в перестроечные годы. В то же время власть обретает все более выраженную тенденцию распределения от центра к его «микрофизике», к социальным группам или отдельным индивидам. Люди, обладающие (профессиональной) информацией, имеют доступ к широкому кругу различных возможностей, особенно в социальном и политическом отношении [9; 18].

Вообще, термин «элита» или «элитные группы» используется в научной литературе довольно-таки редко. Здесь речь идет в основном о западных теориях. Данный факт можно с одной стороны объяснить традиционным пониманием этого понятия, практикуемым в классических подходах, где говорится об элитах как об аристократии, которая рассматривается в качестве противоположности социальной демократии. Б. Фирсов рассматривает, например, как и многие другие современные ученые, терминологию элит шире и говорит не только о наследуемой принадлежности к престижным социальным кругам или подчеркивает иные виды социальной несправедливости. Он берет за основу социальные, культурные и психологические критерии определения этого понятия. Дальнейшей основополагающей мыслью выступает тот факт, что каждое общество должно быть в состоянии производить собственную элиту, в особенности – научную элиту. Если эти условия не выполняются – со временем в таком обществе понижается уровень благосостояния и быта всех социальных слоев [35].

Обычно те общества, которые не в состоянии произвести собственные элиты, рекрутируют таких людей в других странах. В данной связи можно задаться вопросом, насколько рационально то или иное общество способно в целом обращаться с феноменом иммиграции и насколько подобный рационализм или его отсутствие дают трещины со временем. Иными словами, в настоящее время в мире существует большое количество обществ, которые называют себя

обществами для иммигрантов на политическом уровне и в общественном отношении. Политика иммиграции проходит в каждом из них по-разному, есть страны более привлекательные для иммигрантов по сравнению с другими обществами. Тем не менее, следя за развитием различных сфер общества в данных странах, включая социальные конфликты, демографию, фигурацию, можно с уверенностью говорить о том, что прогноз на будущее относительно многих общественных сфер остается открытым, что заставляет взглянуть на тематику данной статьи, на национальные элиты, с новой точки зрения [26].

Рассматривая в дальнейшем тему характеристик научных элит, стоит обратиться к теории И. Ушкалова и И. Малаха. Эти ученые рассматривают людей, занимающих высокие (научные) позиции, по следующим признакам: когнитивные, социально-психологические и организационные способности. Данные хорошо развитые личностные способности характерны для людей, являющихся потенциальными лидерами, – такие люди обладают большим количеством инновационных идей, развивают новые научные программы, обладают способностями, необходимыми для карьерного роста и умеют повышать свой социальный статус [34]. Похожего мнения придерживаются также исследователи из Высшей школы экономики, определяя индивидуальные способности людей, принадлежащих к элите, как следующие: организационные, образовательные и исследовательские способности ученого [36].

Профессора Ю. Вермишев и С. Колганов делают акцент в своем понятии элит на аспектах накопленного опыта, лидерских потенциалах, креативности, собственных научных и технических инновациях в профессиональной деятельности. Аналогично мнению Б. Фирсова авторы подчеркивают, что воспитание элит является предпосылкой развития многих амбициозных проектов. Признание лидерства этой целевой группы дает дополнительные ресурсы в области организационного и технологического прогресса, импульсы к развитию креативных идей и успешные проектные решения. Именно по перечисленным причинам воспитание научных элит должно стать ежедневной работой кадровой политики (больших) организаций [20].

Сигнификантность академического опыта, полученного за рубежом, выделяет и Елена Мирская, разделяя ученых на следующие категории: лидеры международного взаимодействия и наиболее продуктивные деятели отечественной науки; активные специалисты международного сотрудничества; уверенные в себе профессионалы-исполнители и ученые с весьма высоким научным потенциалом, но очень слабо включенные в международные взаимодействия. Как легко догадаться, последняя из перечисленных групп продемонстрировала низкие профессиональные показатели, в то время как

первые две группы были вовлечены в различные виды профессиональной деятельности в России и за рубежом [28].

Определить в точности функции научных элит помогает в дальнейшем уже ранее упомянутое исследование А. Чепуренко и Л. Гохберга. Они видят в научной элите, побывавшей за рубежом, ниже перечисленные профессиональные характеристики: определение статуса и рейтинга научно-исследовательского или высшего учебного заведения, создание инновационных идей и гипотез, формирование нацеленного на результат исследовательского коллектива, отбор и подготовка научного персонала и активное участие в принятии стратегических решений в области выбора исследовательских направлений, принципов и механизмов управления коллективом [36].

Как мы видим из представленных данных, академические стажировки за рубежом являются важной частью воспитания элит. Ученые, имеющие подобный профессиональный опыт, умеют лучше ориентироваться в вызовах современного общества и обладают большей способностью решать самые ответственные задачи [14]. Конечно же, не все развитые во время академических стажировок способности успешно переносятся в профессиональную деятельность. Важными факторами в данном вопросе являются кадровая политика тех или иных организаций, существующие программы для лучшей интеграции репатриантов, социальные взаимоотношения на различных уровнях общества, а также поддержка со стороны друзей и семьи.

Современное воспитание элит в различных странах мира

По моему мнению, Советский Союз и Российская Федерация обладали всегда одной из наилучших концепций воспитания элит. Вся образовательная система Советского Союза, а в последующем и Российской Федерации направлена на воспитание социальных лидеров, способных ориентироваться в различной обстановке. Особенно хочется в данной связи подчеркнуть не только социальную направленность данного воспитания, а и ее мотивационную функцию, систему поощрений и поддержки талантливой молодежи, выражавшуюся в различных олимпиадах, наградах и соревнованиях. Воспитание же в большинстве западных стран больше ориентировано на общие гражданские ценности, что, конечно же, несколько не умоляет его значимости в контексте современного общества [23; 29]. Можно также говорить о том, что российская наука более фундаментальна, что касается в отдельности научного руководства при написании кандидатских работ и докторских диссертаций, академического мониторинга работы кафедр, занимания профессиональных позиций в таких инстанциях, как Академия Наук и профессорские ставки [35; 21; 2; 22]. Данные исследования подтверждаются, с другой стороны, и эмпирическими данными о количестве ученых из

России, работающих в разных странах мира. Как соответствующее число, так и профессиональные достижения российских ученых позволяют констатировать их хорошую профессиональную подготовку и принятие их работ со стороны иностранных вузов [36].

Дальше нужно упомянуть о том, что высшее и дополнительное образование имеют в разных странах свои преимущества и недостатки: от финансовых преимуществ и общественного отношения к элитам до инфраструктурного оснащения, многообразия образовательных инстанций и качества профессионального руководства. Федеративная Республика Германия и Российская Федерация имеют много сходств в историческом развитии образования и воспитания, но обе страны ставят себе зачастую разные дидактические цели касательно отдельных образовательных программ, в особенности в плане преподавания естественных наук и математики, длительности и основательности профессиональной подготовки отдельных экспертов [33].

В России с начала 90-х годов начали развиваться различные альтернативные концепты образования: элитные школы и высшие учебные заведения. Новые учебные планы старались во многом интегрировать в отечественные программы лучший зарубежный опыт. К сожалению, за последние годы можно наблюдать и негативные тенденции развития – потерялось многое из того, что можно было назвать лучшим в системе образования СССР и России. Поэтому стоит еще раз подчеркнуть, помимо важности обмена опытом, в научном глобальном пространстве также необходимость лучшего осознания преимуществ отечественной образовательной системы, к которым относятся в дальнейшем такие аспекты, как: способность обучения большого количества людей на высоком научном уровне, непрерывное профессиональное образование, отечественные наработки в области гуманитарных и технических наук [35]. В любом случае существующие на данный момент отличия в национальных образовательных программах разных стран могут способствовать, помимо наилучшей самоидентификации, то есть осознания своего места в глобальной культуре образования, также созданию более фундаментального концепта интернациональной работы в разных областях, включая образование элит.

Релевантность данной работы можно подчеркнуть также в контексте иммиграции высококвалифицированных специалистов из одной страны в другую. Многие страны на данный момент рекрутируют большое количество иностранных специалистов. Иммиграция высококвалифицированных специалистов позитивно отражается на различных общественных структурах, экономическом развитии и общем уровне благосостояния. Многие исследовательские результаты в то же время показывают, что данная иммиграция зачастую несет в себе фактор риска для иммигрантов, в особенности в длительной временной перспективе. Некоторые авторы с уверенно-

стью говорят о том, что для большинства людей в плане их психического и физического здоровья лучше жить и работать в родных странах, а не иммигрировать в более развитые экономические пространства. Ко всему прочему наука в ее глобальном развитии во многих случаях не проиграет, а выиграет от того, что специалисты останутся работать в тех странах, где они обладают наилучшим социальным багажом знаний [3; 16; 4; 5].

«Например, для Новгородского государственного университета тот опыт, который мы получили в Германии, был очень важен, особенно в плане открытости и дальнейшей экспансии нашего педагогического опыта. Хорошими примерами здесь являются гуманистическая и альтернативная педагогика. Такие темы, как теории инновативного воспитания и менеджмент социальных и образовательных инстанций, также внесли свой весомый вклад. Мы переоценили большинство нашего практического опыта и сделали свой выбор касательно определенных концептов. ...Мне кажется, иностранные ученые также нуждаются в нашем опыте. Что я, например, знаю о немецких научных подходах – они не систематизируют их практический опыт, не исследуют его, он имеет малую теоретическую базу. Кстати, сами немецкие коллеги говорили нам то же самое, соглашаясь с тем, что мы используем более фундаментальные подходы, более глубоко анализируем существующий опыт и имеем более широкое видение некоторых проблем. Также наши ученые обладают большей эмпатией в понимании проблем» [Майя, 35 лет, менеджер, Санкт-Петербург].

«У нас появился собственный взгляд на свой опыт, мы никогда не стремились перенимать те или иные педагогические подходы, мы всегда сравнивали разные знания. Мы смогли дать нашим немецким коллегам также новый взгляд на их опыт» [Ширин А. Г., 49 лет, декан билингвального факультета педагогики, директор Института непрерывного педагогического образования, Новгородский государственный университет].

«Возможность практического знакомства со спецификой учебного и исследовательского процессов за рубежом очень важна для многих ученых, которые работают на высоком исследовательском уровне. ...В этой связи важно сказать, что российская наука ни в коем случае не хуже, чем за рубежом. Но мы никогда не рассматривали русскую науку и опыт других стран как науку двух различных сортов. Русские традиции высшего образования отличаются особой фундаментальностью. По моему мнению, среди всех европейских стран немецкая образовательная система также наиболее фундаментальна. ...Когда я посещала какие-либо конференции в Германии, для меня всегда было интересно изучать их подходы, методо-

логию и взгляд на теоретические исследования» [Судакова Г. Г., 51 год, директор Балтийского тренингового центра, проректор по международным отношениям Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы].

В этой связи нужно сказать, что растущее сознание необходимости воспитания элит можно констатировать во всем мире. Например, число абитуриентов выросло в России с 406,8 тысяч в 1991 году до 976,9 тысяч людей в 2003 году. Касательно вузовского образования также виден значимый прогресс. Если количество выпускников высших учебных заведений составляло 430 тысяч людей в 1991 году, то уже в 2003 данная цифра выросла до 1385, что свидетельствует о более чем четырехкратном приросте [36]. Касательно Германии – показатели вузовского образования там ничуть не хуже, чем в России. Например, в 2011/2012 учебном году в стране было зарегистрировано 2 377 034 студентов. В целом количество людей, имеющих высшее образование, в Германии составляет 7,5 % населения, в России же эта цифра находится по разным данным на показателе около 40 % [32; 15].

Конечно же, воспитание и образование элит включает помимо вузовского образования много других важных аспектов – обучение или работа за границей является только частью непрерывного образования и получения релевантных профессиональных знаний. В последнее время академический опыт за рубежом все чаще рассматривается как важная часть формирования элитных кадров, как неотъемлемая часть элитного образования, даже в том случае, если ученые собираются в будущем работать исключительно в рамках национальной науки [36]. Растет общественная значимость различных фондов, в этой связи отмечается лучшая способность писать заявки для научных проектов, люди обладают лучшим уровнем информированности относительно иностранных университетов и институтов, а также программ, поддерживающих иностранных студентов во время учебы за границей [37].

Научная элита после возвращения домой: перспективы на будущее, социальная и профессиональная интеграция

Российские ученые, прошедшие академические стажировки за рубежом, не являются больше редкостью. Возвращаясь обратно домой, они привозят с собой такие достижения, как новые научные квалификации и ученые степени, членство в важных организациях, удачно завершённые проекты, статьи, опубликованные в международно значимых рецензируемых журналах и новые социальные контакты на транснациональном уровне. Данные люди распространяют информацию о Германии и о фондах, работающих в этой стране, а также о других возможных источниках финансирования. Научные достижения этой целевой группы повышают в России об-

щее внимание к научной работе как таковой и открывают новые возможности для карьерного роста. Даже в небольших городах происходят существенные изменения в области науки, что, например, подтверждается результатами данного исследования.

«На данный момент у нас есть кооперационный контракт с Университетом Хильдесхайма и мы получаем поддержку от Европейского Союза. Сейчас мы консультируем семь университетов в России, Беларуси и Украине касательно новых подходов в различных педагогических темах. В ходе работы образовался отличный коллектив профессиональных педагогов и консультантов, с которыми можно продолжать работу в будущем и быть уверенным в том, что позитивные результаты будут в дальнейшем развиваться и преподаваться» [Певзнер М. Н., 59 лет, проректор по международной деятельности НовГУ, Новгородский государственный университет].

Конечно же, в отзывах о работе российских ученых за рубежом или тех ученых, которые сейчас работают в России после прохождения академических стажировок в других странах, присутствуют не только положительные оценки. Так, например, отмечается тот факт, что по сравнению с учеными из Кореи, Индии, Индонезии или других стран российские специалисты реже посещают Россию для чтения лекций и проведения семинаров, реже привозят на родину гранты и меньше участвуют в развитии международных академических отношений [37]. Существующие потенциалы используются в недостаточной степени, что ставит вопрос как о поддержке российских ученых со стороны правящих кругов во время работы за рубежом, так и о хорошо налаженной коммуникации между ними в форме интернет-платформ, тематических конференций или коммуникационной сети для репатриантов. Очень важно профессионально мотивировать данные целевые группы, информировать о имеющихся возможностях карьерного роста и в России, помогать людям, вернувшимся на родину, информируя их о возможностях трудовой интеграции и развивая связи с релевантными для репатриантов университетами, организациями и предприятиями.

Несомненно то, что исследуемая мною целевая группа российских ученых имеет большое значение при признании отечественных достижений на международном уровне и налаживании более широких международных контактов. Данная аудитория важна для второго вектора глобализации внутри российской науки, для более осознанного подхода к индивидуальности отечественных достижений и лучшего трансфера полученных знаний в практику. На уровне российской науки и общества происходит глобализация и одновременно индивидуализация ведущейся работы, что особенно важно для организаций, занимающихся инновационной прогрессивной деятельностью [36; 6]. В общем, при всей сложности, на социологиче-

ском уровне подобная работа важна в плане культурных импульсов и культурного выживания общества, роста профессиональных кадров, повышения образовательных стандартов и уровня достижений, развития соперничества, лучшего контроля над развитием физических и социальных инфраструктур, развития демократии и общих взглядов на демократические ценности, нового взгляда на талантливую молодежь, создания новых возможностей для ее роста, а также в плане новых форм индивидуального и социального бытия [19; 31].

Библиографический список

1. Bader, Veit M., Berger, Johannes, Ganßmann, Heiner, Knesebeck, Jost. Einführung in die Gesellschaftstheorie. Gesellschaft, Wirtschaft und Staat bei Marx und Weber. 4. Auflage. Campus, Frankfurt am Main / New York, 1987.
2. BBC Russian.com. Глобализация образования пугает россиян. – 2006. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_5153000/5153762.stm (дата обращения: 04.2012).
3. Chamove, Arnold S., Soeterik, Sonja M. Grief in Returning Sojourners // Journal of Social Science. – 2006. – 13, 3.
4. Gama E., Pedersen P. Readjustment Problems of Brazilian Returnees from Graduate Studies in the United States // International Journal of Intercultural Relations. – 1977. – Vol. 1, Issue 4.
5. Grewe J., Bradley, Kelly D. Creating an instrument to measure perceptions of preparedness to return home from study abroad. – University of Kentucky, 2009. (Изд.). URL: <http://www.uky.edu/~kdbrad2/Jessica.pdf> (дата обращения: 05.2011).
6. Eliteförderung: Im Geiste der Wissenschaftsfreiheit. (2006) // Frankfurter Allgemeine Zeitung от 16.10.
7. Kraus Beate. (2001): An der Spitze. Von Eliten und herrschenden Klassen. UVK-Verlag, Konstanz.
8. Lakey, Paul N., Hill, Brooks N. Communication / Social Difficulty of Thai Students in the Process of Cultural Adaptation. – Trinity University, Abilene Christian University, 1991. (Изд.). URL: <http://www.uri.edu/iaics/content/1991v1n1/07%20Paul%20N.%20Lakey%20&%20L.%20Brooks%20Hill.pdf> (дата обращения: 05.2011).
9. Mills, Wright C. The Power Elite. – Oxford University Press, 1956.
10. Narayan, Paresh Kumar, Smyth, Russell. Temporal Causality and the Dynamics of Exports, Human Capital and Real Income in China. – Department of General Business, Southeastern Louisiana University, 2004. (Изд.). URL: <http://www.ijbe.org/table%20of%20content/pdf/vol3-1/vol3-1-01.pdf> (дата обращения: 07.2010).
11. Nikolaeva, Teodora G. The Challenges of Expatriation and Repatriation. – Department of Management, Aarhus University, 2010. (Изд.). URL: http://pure.au.dk/portal-asb-student/files/11038/The_Challenges_of_Expatriation_and_Repatriation.pdf (дата обращения: 07.2011).
12. Pareto V. Ausgewählte Schriften. – Ullstein, Frankfurt am Main, 1976.
13. Parker J., Lortie C., Allesina S. Characterizing a scientific elite: the social characteristics of the most highly cited scientists in environmental science and ecology. – National Center for Ecological Analysis and Synthesis, University of California, 2010. (Изд.). URL: <http://escholarship.org/uc/item/1ps5h1vb#page-1> (дата обращения: 06.2012).

14. Spilimbergo A. Democracy and Foreign Education. – Research Department, International Monetary Fund, Centre for Economic Policy Research, William Davidson Institute University of Michigan, 2006. (Изд.). URL: http://www.aeaweb.org/annual_mtg_papers/2007/0106_0800_1802.pdf (дата обращения: 07.2010).
15. Statistisches Bundesamt. Bildung, Forschung, Kultur. – 2012. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/BildungForschungKultur/Kennzahlen.html?nn=50756> (дата обращения: 03.2012).
16. Walter N. Roof, relationships, roots: a hermeneutical understanding of why returnees from long-term travel may be considered homeless // CAUTHE 2008: Tourism and Hospitality Research, Training and Practice. Richardson, Scott, Fredline, Liz, Patiar, Anoop, Ternel, Megan. (Изд.). Gold Coast, Griffith University.
17. Wasner B. (2004): Eliten in Europa. Einführung in Theorien, Konzepte und Befunde. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden.
18. Буйвол М. А. Власть знания в информационном обществе: от гносеологической к социокультурной интерпретации : дис. – Томский государственный университет, 2005. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0199-13560/019913560.pdf> (дата обращения: 10. 2012).
19. Василенко В. В., Питак О. Я. Воспитание элиты. Кадры. – Харьковская Областная Общественная Организация «Культурное Возрождение Общества», 2011 (Изд.). URL: <http://m-system-party.org/osnidei/kadri.html> (дата обращения: 04.2012).
20. Вермишев Ю. Х., Колганов С. К. Кадры решают всё: научная элита как основа успеха. – 2008. URL: <http://pressa.budet.ru/article/detail.php?ID=38057> (дата обращения: 03. 2012).
21. Высшее образование: в чём Россия не Америка // Ведомости. – 01.07.
22. Даргын-оол Ч. К., Захаров Н. В. От обучения к науке: о статусе кандидатских и докторских диссертаций в российском и западном образовании // Информационно-исследовательский портал МГУ. – 2004 (Изд.). URL: <http://www.hdirussia.ru/382> (дата обращения: 04.2012).
23. Джурицкий А. Н. Зарубежная школа: современное состояние и тенденции развития. – М. : Просвещение, 1993.
24. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д. Образование за рубежом: социокультурный аспект // Социологический Журнал. – 2007. – № 4.
25. Лакизюк О. О конкурентоспособности российского образования на международном рынке: опыт стажировок отечественных ученых и студентов в Германии // Идеология и политика : междунар. журнал. – 2012. – № 4.
26. Лакизюк О. Понятие культуры в иммиграционной политике и общественных отношениях // Идеология и политика : междунар. журнал. – 2012. – № 1.
27. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. – М. : Политиздат, 1980.
28. Мирская Е. Российские академические ученые в зеркале социологии науки // Отечественные записки. – 2002. – № 7.
29. Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. – 1995. – № 5.
30. Пискунов А. И. История Педагогики. – М. : ТЦ «Сфера», 1998.
31. Пряжников Н. С. Реалии и перспективы «элитарной школы». – Московский городской психолого-педагогический университет, 2012 (Изд.). URL: <http://www.fpo.ru/pp/elit.html> (дата обращения: 04.2012).
32. РИА Новости. Итоги переписи 2010: россиян с высшим образованием стало больше на 40 %. – 2010. URL: <http://ria.ru/society/20111216/517877298.html> (дата обращения: 04.2012).

33. Смолин О. Н. Российские ВУЗы и Болонский процесс: взгляд парламентария. Доклад в рамках Ломоносовских Чтений в Берлине. – 2005. URL: http://www.smolin.ru/read/articles_edu/pdf/bolonpro.pdf (дата обращения: 04.2012).
34. Ушкалов И. Г., Малаха И. А. «Утечка умов» – масштабы, причины, последствия. – М. : Либроком, 2011.
35. Фирсов Б. М. Воспроизводство научной элиты. Наука Интернет Россия. Каталог ресурсов. – 2011 (Изд.). URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/1firsov.htm> (дата обращения: 03.2011).
36. Чепуренко А. Ю., Гохберг Л. М. Научная элита: определение понятия // Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов. (На примере Фонда им. А. Гумбольдта) / Российский независимый институт социальных и национальных проблем при поддержке Московского общественного научного фонда имени А. Гумбольдта. – М. : Франтера, 2005.
37. Юревич А., Цапенко И. Глобализация современной российской науки // Логос. – 2005. – 6 (51). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/51/07.pdf> (дата обращения: 04.2011).

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. В. Смола

Кингисеппский филиал ЛГУ им. А. С. Пушкина,
г. Кингисепп, Ленинградская область, Россия

Summary. This article tells about the social attitudes towards the process of research of students' problems of labor motivation in the transition from a planned to a market economy. Also valuable orientations of modern students and their influence on economic and social behavior are considered.

Key words: social attitude; values; valuable orientation; labour; professional experience; gender differences; research.

При анализе латентных переменных, определяющих трудовое поведение, отмечено авторами, изучающими данную проблему [3], что социальные установки составляют особый класс латентных переменных, имеющих собственную концептуальную основу и достаточно хорошо отработанную технику измерений. Подход к трудовому поведению со стороны социальных установок, отношений, диспозиций и аттитюдов предполагает выделение особого представления о внутренней регуляции социального поведения – это вопрос о структурировании личности как субъекта деятельности. Это, на наш взгляд, наиболее плодотворный подход к целостной личности с позиций психологии труда.

Действительно, целостность индивида и личности можно рассматривать в различных аспектах. Например, со стороны взаимосвязи биологического и социального, выделяя при этом различные уровни личностной структуры. Можно исследовать целостность

субъекта со сторон взаимосвязи и взаимодействия экспериментально зафиксированных психофизических свойств или черт, как это принято в дифференциальной психологии личности. Целостность личности как объекта социальных отношений и как субъекта социального общения схватывается также в ролевой модели, согласно которой личность интегрирует в своем «Я» весь комплекс социальных предписаний относительно «поведенческих схем», рассматриваемых как социально заданные требования, вытекающие из ее положения в системе социальных отношений.

Поэтому вполне правомерно выделить в качестве системообразующего признака личностной структуры (в интересующем нас аспекте) многообразие отношений индивида к условиям его деятельности, имея в виду рассмотрение этих отношений как определенной системы, как целостности.

Имеется немало экспериментальных и теоретических данных, свидетельствующих о наличии установочных или диспозиционных механизмов регуляции социального поведения личности. Следует отметить, что работающие в этом направлении исследователи стремятся интерпретировать опытные данные исключительно в рамках того или иного диспозиционного образования, положенного в основу соответствующей теории или концепции [2].

Для этапа транзитарного общества достоинством аттитюда или социальной установки становится то, что было ее недостатком с позиций советской социологии, а именно, ограничение области социально-установочной регуляции поведения реальными социальными условиями, вне их связи с конкретно-исторической ситуацией или господствующей идеологией. Аттитюд можно рассматривать как господствующий регулятор поведения на уровне микросреды индивида в условиях отсутствия идеологии, общих моральных принципов и социальных условий деятельности [3].

В связи с этим представляется правомерным рассмотреть диспозиционно-установочные явления в рамках некоторой общей диспозиционной структуры личности как целостного субъекта деятельности. Системообразующим признаком, единым для этой целостности, должны быть различные состояния и различные уровни предрасположенности или предуготовленности человека к восприятию условий деятельности, его поведенческих готовности, направляющих деятельность, которые так или иначе фиксируются в личностной структуре в результате онтогенеза.

В концепциях «аттитюдов» или социальной установки также подчеркивается их прямая связь с определенной (социальной) потребностью и условиями деятельности, в которых потребность может быть удовлетворена [1]. Смена и закрепление (фиксирование) социальной установки также обусловлены соответствующими отношениями между потребностями и ситуациями, в которых они

удовлетворяются. Следовательно, общий механизм образования фиксированной установки на том или ином ее уровне описывается формулой

П-Д-С,

где П – потребность, Д – диспозиция, С – ситуация.

Поскольку все выделенные элементы представляют собой иерархические структуры, то для каждой из них возможны собственные классификационные основания. Применительно к трудовой деятельности потребности работника в организации можно рассматривать как направленные на процесс труда, содержание труда, взаимодействие и общение в труде, материальное обеспечение в результате труда.

Условия деятельности или ситуации, в которых реализуется потребность, можно классифицировать по времени длительности, в которой сохраняется изначально заданная стабильность условий. В советском варианте трудовой деятельности в ситуации лояльности к ценностям общества и организации работнику были практически гарантированы занятость и оплата труда. В условиях переходной экономики ситуация меняется динамично и непредсказуемо, что создает совершенно особые условия как для решения вопроса о выборе профессии (профессии, востребованные сегодня на рынке труда, через некоторое время могут стать либо заполненными предложениями, либо вообще ненужными), так и для продолжения работы в конкретной организации (процветающее сегодня предприятие завтра может оказаться банкротом и уволить весь персонал).

На теоретическом уровне достаточно сложно проследить различия между понятиями «ценностная ориентация» и «установка».

В литературе сложилось следующее представление о соотношении понятий «ценностные ориентации» и «направленность» личности. Ценностные ориентации выступают содержательной стороной, подсистемой, компонентом направленности личности, которая наряду с ценностными ориентациями включает желания, интересы, склонности, идеалы, убеждения, мировоззрение. Ценностные ориентации рассматриваются и как проявление направленности личности [4].

К рассмотрению соотношения понятий «ценностные ориентации» и «социальная установка», как правило, авторы подходят со следующих позиций. Ценностные ориентации определяют социальные установки личности, являются основаниями для социальных установок, другими словами, социальные установки отражают ценностные ориентации. Социальные установки, помогая человеку осмысливать явления социальной действительности, выполняют функцию выражения того, что для него является важным, значимым, ценным [4]. Таким образом, социальные установки представляют собой средство вербализованного выражения ценностей как

более общих, абстрактных принципов применительно к конкретному объекту.

Социальные установки с ценностными ориентациями личности объединяет общее для них состояние готовности, а также то, что социальные установки и ценностные ориентации личности регулируют реализацию потребностей в различных социальных ситуациях.

Дифференцирующими признаками ценностных ориентаций и социальных установок являются следующие:

а) объекты социальных установок более конкретны по сравнению с объектами ценностного отношения;

б) ценностные ориентации являются более динамичными феноменами по сравнению с *социальными* установками;

в) личность обладает гораздо меньшим количеством ценностей, чем установок;

г) ценностные ориентации по сравнению с социальными установками детерминированы потребностями в активности и самовыражении с более широкими границами. Например, наряду с потребностью в общении в малой группе ценностные ориентации детерминируются потребностью включения в целостную социальную систему [2];

д) ценностные ориентации как регулятивный механизм охватывают более широкий круг проявлений активности личности, чем установки.

Социальные установки (аттитюды) суть объективированные ценности, или ценности, привязанные к определенным объектам внешнего мира. Социальные установки всегда вербализуемы – ценность может переживаться безобъектно, установка всегда предметна, в том плане, что она имеет имя, – будь то объект внешнего мира или идея. Ценность проявляется через систему установок в определенной предметной области и образует в конечном счете поведенческий симптомокомплекс.

Трудовая деятельность дает возможность человеку удовлетворять не связанные с трудом потребности, приобретая различные вещи, занимаясь собственным профессиональным ростом или тратя их на развлечения и отдых. Нас интересовали установки студентов в отношении таких затрат, так как они дают представление об иерархии в удовлетворении потребностей.

Первое место в рейтинге занимает «приобретение собственного жилья» (4,5 балла) по всей выборке. Кстати, заметим, что различий между студентами университетов по этому вопросу нет. На втором месте затраты на собственный профессиональный рост (4,3 балла). Из материальных затрат преобладают затраты на компьютерную технику, развлечения и отдых, радиоаппаратуру.

Различия между трудовым экономическим поведением в период экономических трансформаций наиболее четко должны про-

сма­тривать­ся в вопро­сах денеж­но­го опос­редо­ва­ния учеб­ной и тру­до­вой дея­тель­но­сти. Пе­ре­ход от со­вет­ской па­тер­на­ли­ст­ской мо­де­ли бес­плат­но­го об­ра­зо­ва­ния к об­ра­зо­ва­нию на ком­мер­че­ской ос­но­ве за­тра­ги­ва­ет в той или иной сте­пе­ни всех, да­же обу­чаю­щих­ся на бю­джет­ной ос­но­ве, по­ро­жда­я раз­лич­ные си­сте­мы от­но­ше­ний к са­мо­му про­цес­су обу­че­ния, си­сте­ме вза­им­о­от­но­ше­ний в сту­ден­че­ских груп­пах, оце­нке це­лей обу­че­ния. Об­ра­ца­ют на се­бя вни­ма­ние два фак­та – пре­об­ла­да­ние сре­ди обу­чаю­щих­ся на бю­джет­ной ос­но­ве э­ко­но­ми­стов, что ин­те­рес­но как факт го­су­дар­ствен­ной по­ли­ти­ки в об­ла­сти об­ра­зо­ва­ния, и от­сут­ствие сре­ди сту­ден­тов, по­лу­чаю­щих э­ко­но­ми­че­ские спе­ци­аль­но­сти, лю­дей, обу­чаю­щих­ся на соб­ствен­ные сред­ства или сред­ства, взя­тые в дол­г. Сре­ди сту­ден­тов-э­ко­но­ми­стов та­ких 5,5 %.

Пос­ле­дний факт мо­жет го­во­рить как об от­но­си­тель­ной цен­но­сти по­лу­чае­мо­го об­ра­зо­ва­ния – трат­ить соб­ствен­ные де­нь­ги мож­но толь­ко на то, что сто­ит э­тих де­нег, так и о бо­лее от­вет­ствен­ном вы­бо­ре про­фес­сии сту­ден­та­ми-стро­и­те­ля­ми.

Дру­гим фак­то­ром, ха­рак­те­ри­зу­ю­щим зре­лое э­ко­но­ми­че­ское по­ве­де­ние, яв­ля­ет­ся по­ни­ма­ние обя­затель­но­сти денеж­ных рас­че­тов да­же с близ­ки­ми лю­дь­ми. Си­сте­ма вос­пи­та­ния в раз­ви­тых ка­пи­та­ли­стиче­ских стра­нах, к при­ме­ру в Го­лландии, пред­по­ла­га­ет, что по до­сти­же­нии со­вер­шен­но­ле­тия де­ти на­чи­на­ют воз­ме­щать ро­ди­те­лям за­тра­ты на соб­ствен­ное вос­пи­та­ние и обу­че­ние. В отечес­твен­ной си­сте­ме вос­пи­та­ния та­кой прак­ти­ки ни­ко­гда не бы­ло.

В свя­зи с э­тим нас ин­те­ре­со­вал во­прос, чув­ст­вуют ли се­бя ре­спон­де­нты обя­зан­ны­ми вер­нуть де­нь­ги, за­тра­чен­ные на их обу­че­ние. Рас­пре­де­ле­ние от­ве­тов по­ка­за­ло на­ли­чие тен­ден­ции пе­ре­хода к э­ко­но­ми­че­скому по­ве­де­нию в денеж­ных рас­че­тах. Так, 48,3 % ре­спон­де­нтов по всей вы­бор­ке да­ли утвер­ди­тель­ный от­ве­т на по­став­лен­ный во­прос – они счи­та­ют се­бя обя­зан­ны­ми вер­нуть де­нь­ги. Не чув­ст­вуют се­бя обя­зан­ны­ми э­то сде­лать толь­ко 13,5 % ре­спон­де­нтов.

Тре­тьим, наи­бо­лее зна­чи­мым фак­то­ром, опре­де­ляю­щим тен­ден­цию к бо­лее вы­ра­жен­но­му э­ко­но­ми­че­скому по­ве­де­нию, яв­ля­ет­ся ус­та­нов­ка на зар­плату или ин­те­рес к ра­бо­те по окон­ча­нии обу­че­ния. Соб­ствен­но го­во­ря, вся эм­пи­ри­че­ская со­вет­ская со­ци­о­ло­гия и пси­хо­ло­гия тру­да на­чи­на­лась с по­ис­ка от­ве­та на э­тот во­прос.

Сле­ду­ет уч­есть, что на рас­пре­де­ле­ние в це­лом су­щес­твен­но вли­яют ген­дер­ные раз­ли­чия. Как сле­ду­ет из ре­зуль­та­тов про­ве­ден­но­го ис­сле­до­ва­ния, от­но­ше­ние муж­чин к тру­ду яв­ля­ет­ся бо­лее ин­стру­мен­таль­ным. Они ча­ще от­да­ют пред­поч­те­ние оп­ла­те тру­да, чем его со­дер­жа­нию (80 % муж­чин). В то­же вре­мя и 62 % жен­щин вы­ска­за­лись в поль­зу ин­те­реса к ра­бо­те. Ко­свен­ным под­твер­жде­нием су­щес­твен­но­го раз­ли­чия в э­ко­но­ми­че­ском и тру­до­вом по­ве­де­нии мож­но счи­тать раз­лич­ные взгля­ды на биз­нес-ка­рье­ру. Если счи­тать, что биз­нес – э­то тру­до­вая дея­тель­ность,

основной целью которой является получение прибыли (т. е. денежный эквивалент трудовой деятельности), то у мужчин ориентация на бизнес явно преобладает.

Результаты исследования показывают, что 49 % мужчин хотели бы на пике карьеры иметь собственный бизнес. Тренд ответов женщин представляет собой кривую, близкую к нормальному распределению. Конечный пункт шкалы выбирает только 25 % женщин, т. е. практически половина от аналогичного пункта у мужчин.

В момент поступления в вуз и в период обучения на первых курсах университета молодой человек, как правило, не имеет четких установок на результат обучения и на свою дальнейшую профессиональную карьеру, но он в состоянии сделать выбор из предложенных альтернатив. Такой выбор интерпретируется нами как исходная установка на результат и цель обучения.

Более значимые различия наблюдаются при ответах студентов на вопрос о более отдаленном будущем. Выбор позиции специалиста вполне понятен, поскольку установка на обучение – это, прежде всего, реализация желания стать специалистом. Для экономистов этот вариант карьеры стоит на втором месте. Не вызывает недоумения, но поражает чрезвычайно низким уровнем оценка карьеры преподавателя и научного работника (средний балл 1,2 по всей выборке). В данной установке прослеживается тенденция безразличного отношения государства к науке и образованию. Особенно велика неприязнь к карьере ученого или преподавателя у респондентов экономических специальностей (0,8 балла против 1,3 балла).

Таким образом, предложенный нами методологический подход на основе анализа изменения в системе ценностей через изучение социальных установок позволил нам проверить выдвинутые для эмпирического исследования гипотезы.

Библиографический список

1. Малышевский А. Ф. Отношение к труду студенческой молодежи // Мир человека. Ежеквартальный гуманитарно-экономический междисциплинарный журнал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики. – 2008. – № 1. – С. 126.
2. Саакян А. К. Экономическая социология : учеб. пособие. – Ереван : авторское издание. – 2010. – С. 238.
3. Сурина И. А. Ценностные ориентации как объект социологического исследования. – М. : Омега. – 2003. – С. 117.
4. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово : Кузбассвузиздат. – 2007. – С. 250.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРУДА ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ ЯКУТИИ

А. Е. Степанова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Амосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

Summary. The Republic of Sakha (Yakutia) - one of the most dynamic entities of the Russian Federation, which has a significant impact on the development of the Far East region. Yakutia is also a lot of territory, rich resources, the presence of large export-oriented enterprises, the advantageous geographical location and proximity of markets of the Asia-Pacific region, a unique tourist potential.

Key words: Entity; enterprise; development; processing; mining; fuel and energy; production; marketing schemes; social infrastructure; cluster.

Республика Саха (Якутия) – один из динамично развивающихся субъектов РФ, который оказывает значительное влияние на развитие всего Дальневосточного региона. Якутию отличают обширная территория, богатые ресурсы, наличие крупных экспортно ориентированных предприятий, выгодное географическое положение и близость рынков сбыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона, уникальный туристский потенциал.

В 2007 году был принят долгосрочный стратегический документ – Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года, одобренная Правительством РФ. Согласно этому документу создаются условия для стабильной работы базовых отраслей: добычи алмазов, золота, олова, угля, природного газа, алмазогранительной и ювелирной промышленности, переработки древесины и выпуска сельскохозяйственной продукции. Будут образованы новые подотрасли горнодобывающей промышленности и топливно-энергетического комплекса. Это нефтедобыча и нефтепереработка, углехимия, добыча железных руд и металлургическое производство, газопереработка и газохимия, добыча урановых руд.

Реализация Схемы развития производительных сил, транспорта и энергетики – это новые возможности для людей. Молодежь получит возможность реализовать себя в доселе невиданных сферах труда, показать свои способности в крупных компаниях, финансовых институтах. Воспитание собственных профессиональных кадров в различных отраслях народного хозяйства, обучение и трудоустройство местных жителей в новых для них производствах – уникальный шанс для республики [1].

Все делается для создания гармоничных условий жизни человека в Якутии, как бы высокопарно это ни звучало. В настоящее время происходит отток населения с Дальнего Востока, связанный с высокой стоимостью потребительской корзины, слабой мотивацией к

труду, наличием жилищных проблем, низким уровнем благоустройства жилья, недостаточно развитой социальной инфраструктурой.

Реализация проектов сопряжена с ускоренным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры. Главной особенностью стратегии является формирование крупных промышленных узлов по кластерному типу. В Западной Якутии, где традиционно добываются алмазы, на общей транспортной и энергетической инфраструктуре будет сформирован новый Якутский центр нефте- и газодобычи России с перерабатывающей и гелиевой промышленностью. В Южной Якутии формируется крупный промышленный район, основанный на добыче и обогащении угля, железных и урановых руд, химическом производстве. Кластер в Северо-Восточной Якутии будет специализироваться на добыче и переработке цветных и редкоземельных металлов. В Центральной Якутии будут созданы транспортно-логистический узел, научно-образовательный комплекс, планируется развитие ювелирного и алмазогранильного производств. В каждом кластере предполагается развивать опорные населенные пункты с развитой социальной инфраструктурой. Общий объем инвестиций только по крупным проектам оценивается в сумму более 154 млрд долл., основная часть средств (76 %) должна быть привлечена за счет частных инвесторов. В рамках реализации Схемы в республике развернули деятельность крупнейшие компании мирового уровня – ОАО «Газпром», ОАО «РЖД», ОАО «Мечел», «Сургутнефтегаз», ЗАО «Полюс Золото», «Трансстрой», «ОАО АК „Транснефть“», ОАО «Полюс-Золото» и др. С ними подписываются соглашения, учитывающие сотрудничество в сферах социально-экономического развития республики, содействие занятости населения, подготовке квалифицированных специалистов [2].

По оценке органов статистики, численность экономически активного населения в Республике Саха (Якутия) на 1 января 2012 года составила 484,0 тыс. человек. По сравнению с соответствующим периодом 2011 года численность занятых в экономике уменьшилась на 2,8 тыс. чел. (или на 0,6 %) и составила 442,2 тыс. человек (табл. 1). Общая численность безработных увеличилась на 0,2 тыс. чел и составила 41,8 тыс. чел. При этом уровень общей безработицы снизился с 8,8 до 8,6 %.

Таблица 1

Экономически активное население, тыс. чел.	на 1 ян- варя 2012 г.	на 1 ян- варя 2011 г.	2012/201 1, в %
		484,0	486,6
<i>в том числе:</i>			
занятые в экономике, тыс. чел.	442,2	445,0	98,8
безработные, тыс. чел.	41,8	41,6	100
зарегистрированные безработные, тыс. чел.	9,9	11,7	84,6
Уровень общей безработицы, в %	8,6	8,8	
Уровень регистрируемой безработи- цы, в %	2,0	2,4	
Коэффициент напряженности на рынке труда (чел. на вакансию)	1,2	2,6	

Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения, уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 2011 года на 15,4 % и составила 9,9 тыс. чел. Уровень регистрируемой безработицы снизился с 2,4 до 2,0 % [3].

По уровню экономической активности населения республика находится на четвертом месте среди регионов России. Она отличается самым молодым средним возрастом занятых в экономике округа – 39,6 года. В структуре численности занятых в экономике по видам экономической деятельности для республики характерна высокая доля занятых в непроизводственной сфере – 69,3 % (по данным за 2010 год). Из них на сферу образования приходится 15,1 % занятых, в государственном управлении и обеспечении военной безопасности, социальном страховании занято 11,6 %, в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, бытовых изделий – 12,1 %, в сфере транспорта и связи – 10,8 %, в здравоохранении и предоставлении социальных услуг – 8,4 %, прочих услуг – 4,4 %. К производственной сфере относится 30,7 % всех занятых, из них в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды заняты 8,6 %, в строительстве – 5 %, в добыче полезных ископаемых – 7,3 %, в обрабатывающих производствах – 4 %, в сельском хозяйстве – 5,5 %, в рыболовстве и рыбоводстве – 0,3 %.

Для реализации инвестиционных проектов комплексного развития Западной Якутии потребуется привлечь около 20 тыс. человек, Южной Якутии – около 60 тыс. человек, Томпонского горно-промышленного района – более 6 тыс. человек, Якутского транспортно-логистического узла – более 4 тыс. человек. По оценкам, дополнительная суммарная потребность в трудовых ресурсах для реализации инвестиционных проектов Схемы будет составлять к 2020

году около 100 тыс. человек. Занятость по инвестиционным проектам достигнет пика в 2016–2018 годах.

Общим трендом в период до 2030 года для экономики и социальной сферы Республики Саха (Якутия) станет усиление профессиональной ориентации трудовых ресурсов. Реализация инвестиционных проектов повысит спрос на специалистов разного уровня профессиональной подготовки. На этапе строительства возрастет потребность в специалистах с начальным профессиональным образованием. На этапе эксплуатации – со средним и высшим профессиональным образованием.

В республике продолжится модернизация сферы профессионального образования по подготовке востребованных рабочих и специалистов. Для реализации крупных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке необходимо принятие особых мер по созданию благоприятных условий для привлечения высококвалифицированных трудовых ресурсов, мотивационных механизмов, направленных на обеспечение комфортных условий проживания, поддержку коренного населения и развитие традиционных отраслей хозяйствования.

Библиографический список

1. Сайт «Весь – Мирный.рф». URL: /novosti/129-shema-2020-ili-politika-realnyh-del-2
2. Сайт «Бюджет». URL: <http://bujet.ru/article/200626/php>
3. Материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: <http://sakha.gks.ru>

РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Н. В. Петренко
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. This paper presents the socio-economic functions of entrepreneurship. As an example, one region, Astrakhan. Additionally studied economic growth over the years 2011–2012.

Key words: entrepreneurship; socio-economic functions; economic growth.

Социально-экономическое развитие региона напрямую зависит от развития предпринимательства.

К основным социально-экономическим функциям предпринимательства принято относить следующие:

1) общеэкономическая функция, которая решает задачи экономического роста, увеличения объемов валового внутреннего продукта и национального дохода;

2) ресурсная функция предполагает эффективное использование как воспроизводимых, так и ограниченных материальных и нематериальных ресурсов. Это трудовые ресурсы, земля и природные ресурсы, все средства производства и научные достижения, а также сам предпринимательский талант;

3) инновационная функция связана с использованием в процессе предпринимательской деятельности новых идей, новых средств и приемов для достижения поставленных целей, с поиском, разработкой и закреплением за собой инновационных знаний, которые могут заложить основы для дальнейшего опережающего конкурентного предприятия.¹

Астраханская область как региональная социально-экономическая система испытывает существенное влияние со стороны бизнеса.

На региональном уровне развитие предпринимательства позволило реализовать его общеэкономическую функцию. Так, за период 2005–2011 гг. валовой региональный продукт вырос на 7 % по сравнению с предыдущим годом. Промышленное производство выросло более чем на 15 %. Рост экономики области произошел за счет увеличения промышленного производства и производства сельхозпродукции (в январе – ноябре 2011 года сельхозпроизводство выросло на 13 % по отношению к предыдущему. При росте показателей ВРП на душу населения в регионе рост цен составил около 5 %, инфляция – на уровне 6 %.²

Предприниматели Астраханской области прилагают усилия к более широкому и эффективному использованию различных видов ресурсов. К примеру, объем продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей в январе – августе 2012 года составил, по расчетам, в действующих ценах 14149,3 млн рублей, или 104,3 %, в сопоставимой оценке к январю – августу 2011 года. В августе 2012 года продукции сельского хозяйства произведено в сопоставимых ценах на 4,3 % больше, чем в августе 2011 года и на 33,1 % больше, чем в июле 2012 года.³

Таким образом, благодаря развитию частного предпринимательства в Астраханской области решаются задачи экономического роста, эффективного использования ресурсов, внедрения инноваций, решаются социальные задачи.

¹ Слива С. В. Внутрифирменное институциональное предпринимательство // Российское предпринимательство. – 2010. – № 6. – С. 28–32.

² Электронный ресурс <http://astrastat.gks.ru/digital/region16/default.aspx>

³ Электронный ресурс <http://astrastat.gks.ru/digital/region16/default.aspx>

ПОДДЕРЖКА МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М. М. Трофимова
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. This article is about the development of small business in the region. For example, city of Astrakhan. Also was examined statistics.

Key words: small business; support; development.

Особо важное влияние на социально-экономическое развитие региона оказывает малое предпринимательство как совокупность мелких и средних предприятий. Такая форма предпринимательства является максимально гибкой и эффективной, мобилизует финансовые и производственные ресурсы населения. Все это предполагает, что малый бизнес должен представлять немалый интерес как предмет государственного регулирования. На сегодняшний день для Астраханской области проблема развития малого предпринимательства является актуальной.

В Астраханской области поддержка малого бизнеса ведется по нескольким направлениям. Государственная поддержка:

– доленое финансирование целевых расходов, связанных с реализацией инвестиционных проектов субъектов малого предпринимательства;

– доленое финансирование целевых расходов, связанных с государственной поддержкой субъектов малого предпринимательства, производящих товары, услуги, предназначенные для экспорта.

Негосударственная поддержка:

– создание бизнес-инкубаторов, технопарков, бизнес-центров.

Негосударственные формы поддержки российского предпринимательства приобретают все большее значение и получают широкое распространение в современных условиях. Благодаря им реализуется принцип самообучения организации. Как отмечает С. В. Слива, рост ресурсной напряженности производства, закрепление тенденций традиционности в производстве могут быть успешно преодолены благодаря формированию навыка и последующей практики самообучения предприятия. По данным за 2010 год, общее количество занятых в малом бизнесе в Астраханской области составляет 165,1 тыс. человек, а численность работающих у индивидуальных предпринимателей – 82 тыс. человек. Это 37 % от численности всех занятых в экономике области. Объем финансирования отраслевой целевой программы «Государственная поддержка малого предпринимательства в Астраханской области на 2006–2009 годы» в 2009 году составил 28 786 тыс. рублей.

Таким образом, поддержка малого предпринимательства в Астраханской области реализуется средствами государственной помощи: инвестиционные вливания, целевое финансирование негосударственных форм: бизнес-инкубаторы, технопарки.

Библиографический список

1. Слива С. В. Самообучение организаций // Креативная экономика. – 2010. – № 10. – С. 65–70.
2. Российское агентство поддержки малого и среднего бизнеса : [сайт]. URL: <http://www.siora.ru/>

IV. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ, МИГРАЦИОННЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-БЕЛАРУССКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ¹

В. В. Мельситов, Э. Н. Тужба
Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Россия

Summary. The main differences and different approaches of economic, political prevent the formation of the Russia-Belarus Union State. The necessity of developing new forms and mechanisms of international associations in a qualitatively new social reality.

Key words: integration policies; federation; confederation; economic stratification; social differentiation.

Российская Федерация, обладающая огромным историческим опытом многонационального сосуществования, обладает большими возможностями в сфере интеграционного взаимодействия, политико-культурного диалога, формирования единого пространства. Однако переплетение экономических, политических и других объективных и субъективных элементов прошлого и настоящего в политике России, как и других государств постсоветского пространства, приводит к появлению противоречий, напряженности в их отношениях. Своеобразной интеграционной моделью для Российской Федерации предстают российско-белорусские отношения.

Несмотря на огромную работу, проделанную по объединению России и Беларуси, достичь желаемого результата не удастся. Центральная проблема состоит в том, какое государство строить: федеративное или конфедеративное.

Потеря суверенитета не устраивает белорусскую элиту, что подтверждают данные опроса ее представителей (2005 г.). По их общему мнению (90 %), Беларусь будет строить отношения с Россией только на основе равноправия и никогда не войдет в ее состав в качестве федеративного субъекта [9]. Следовательно, такой путь единения Беларуси и России вряд ли будет перспективен.

Предложенный белорусской стороной вариант конфедеративного устройства, по мнению российской стороны, не является оптимальным, поскольку не позволяет обеспечить переход к высшим стадиям интеграции.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-23-01000 а (м).

Одна из наиболее сложных проблем во взаимоотношениях двух стран – это приобретение права собственности на наиболее прибыльные объекты. В Беларуси многие рентабельные предприятия находятся в собственности государства, которое стремится не допустить в Беларусь иностранных собственников, в том числе и российских.

Во взаимоотношениях двух государств чрезмерное значение приобрел также личностный, «президентский» фактор, в результате чего строительство Союзного государства во многом персонифицировано. В момент обострения отношений для А. Г. Лукашенко стало характерным переводить текущие экономические проблемы в плоскость политических противоречий.

Сегодня и в России, и в Беларуси предпочитают четко не определять государственно-правовую форму Союзного государства: будет это федерация или конфедерация. Лишь при особых обстоятельствах признают, что это будет государство, характеризующееся признаками как федерации, так и конфедеративного союза.

Противники союзных отношений Белоруссии и России в качестве препятствия объединения выдвигают экономические мотивы – различие социально-экономических систем. Акцент на экономическую составляющую как фундамент российско-белорусских отношений усилился с началом президентства В. В. Путина. Это утверждение справедливо в том случае, когда экономика одной страны значительно опережает другую и демонстрирует свои явные преимущества.

Постсоветская Россия пошла по пути «шоковых» реформ, включая приватизацию государственной собственности, введение свободных цен на товары и услуги, либерализацию внешней и внутренней торговли. Это привело к падению уровня жизни населения, полярному расслоению общества по имущественным и другим признакам, ослаблению центральной власти и усилению центробежных тенденций, серьезному напряжению в социально-политической жизни страны.

Белоруссия нашла возможность осуществить более мягкие и взвешенные преобразования, что позволило ей сохранить крупные промышленные предприятия, избежать большого социального расслоения, отстоять регулиующую роль государства в экономике, обеспечить приемлемый уровень жизни населения. В социальной сфере Белоруссия на фоне России выглядит лучше. Благополучие белорусской социальной сферы во многом основывается на сравнительно дешевых энергоресурсах, поставляемых Россией на особых условиях. По оценкам специалистов, за последние 15 лет помощь Беларуси со стороны России составила 52 млрд долларов, в 2010 г. она достигла 5 млрд долларов, из них 2,6 млрд – льготные поставки нефти для потребности внутри страны [2].

Сравнение профиля экономической стратификации и высоты экономических пирамид белорусского и российского общества (по коэффициенту дифференциации среднедушевых денежных доходов населения) показало, что социальная структура России и Беларуси на данном этапе характеризуется значительной долей бедных, состоящих по преимуществу из «бюджетников», и небольшим средним классом. В то же время в российском и белорусском обществах происходят диаметрально противоположные процессы: в России наблюдается тенденция к увеличению высоты экономической пирамиды, т. е. увеличение социальной дифференциации вследствие разницы в денежных доходах различных социальных групп; в Беларуси – тенденция уменьшения этой высоты в процессе выравнивания денежных доходов разных социальных групп населения [8]. Разница в доходах 10 % наиболее богатых граждан Беларуси и 10 % наиболее бедных составляет 6 раз, примерно столько же, сколько в Западной Европе.

И в том и в другом случае наблюдаемые процессы могут иметь негативные последствия. В России это ведет к усилению социальной напряженности в обществе, его дезорганизации. В Беларуси уравнивание в доходах, собственности лишает индивида стимула к действию и ведет к формированию экономического поведения, обращенного на удовлетворение частных экономических интересов.

Так как ни одна из экономик не демонстрирует своих особых преимуществ и не опережает значительно в своем развитии другую, то можно предположить, что определяющим препятствием российско-белорусского объединения выступает не экономика, а политика.

Поскольку баланс интересов и основные параметры социально-экономической политики стран разные, то равенство во всех подсекторах блокируется группами, которые стремятся к особому статусу. Основные противоречия имеют различные подходы к решению задач, которые в основном экономического характера, но требуют решения политическими методами. Если текущие вопросы экономического сотрудничества с трудом, но все-таки находят свое разрешение, то создание юридической базы Союзного государства фактически заморожено.

Следовательно, в сложившихся условиях следует временно отказаться от обсуждения проектов об институциональных формах союза, в силу бескомпромиссности российских и белорусских политиков в решении этого вопроса. Необходима новая отработка адекватных форм и механизмов межгосударственного объединения в условиях качественно новой социальной реальности.

Чрезмерно драматизировать ситуацию тоже не следует. Создастся новая союзная конструкция, а процесс интеграции, в каких бы странах он ни происходил, всегда протекает сложно. Евросоюз к своему нынешнему состоянию шел более полувека.

Объективные и субъективные условия формирования союзного белорусско-российского государства остаются преимущественно благоприятными. Трудности объясняются уникальностью тех задач, которые решаются. Очевидно, что в последние годы российско-белорусские отношения развивались достаточно сложно. Тем не менее ни Россия, ни Беларусь не отказались от своих союзнических обязательств или взаимной интеграции, прежде всего, в оборонной сфере. Даже в самые трудные времена российско-белорусских отношений, ни одно соглашение не подверглось пересмотру.

Геополитические и геостратегические интересы России и Белоруссии в принципе совпадают. Оба государства обеспокоены продвижением НАТО на Восток, внешнеполитическим давлением. Для России Беларусь на западных рубежах представляет собой единственного союзника и военно-стратегического партнера. Для Белоруссии в настоящее время нет альтернативы поставкам энергетического и других видов сырья из России (зависимость порядка 85 %), а объемный российский рынок является главным потребителем белорусской продукции. В свою очередь Россия нуждается в потенциале белорусских предприятий, в сохранившейся там сфере высоких технологий. Таким образом, Россия и Беларусь имеют несколько форм экономической интеграции, которые характеризуются секторальной направленностью (энергетика, машиностроение, транзит, радиоэлектроника, легкая промышленность и пр.). Беларусь лидер во внешнеторговом обороте России со странами СНГ.

Вхождение Беларуси в рублевую зону, равно как и газотранспортное совместное предприятие, способны связать две страны. Проведение этого обширного комплекса мероприятий требует ярко выраженной политической воли, консолидации политических элит и концентрации информационных и административных ресурсов в обеих странах. Выход из тупика следует искать не в приведении экономической системы одной страны в соответствие с системой другой, а в сближении двух типов экономик.

Самое простое и эффективное решение – предоставление равных условий хозяйствования и запрет дискриминационных практик во всех сегментах рынка. Необходимо предоставить максимально комфортные условия для диалога между хозяйствующими субъектами, что открыло бы путь для более тесного экономического взаимодействия. Общая линия должна состоять в том, чтобы, с одной стороны, сохранить реальные достижения технологической, экономической и социокультурной кооперации, имевшие место в прошлом, с другой – сформировать новые связи, учитывающие все реальности мирового рынка.

При всей совокупности внешних и внутренних факторов, которые имеют отношение к интеграции, главным выступает общественное мнение. Конструктивные преобразования могут быть

только в том случае, когда они отражают интересы большинства граждан, поддерживаются общественным мнением.

В 1999 г. было проведено совместное (Институтом социально-политических исследований РАН и Институтом социологии НАН Беларуси) социологическое исследование об отношении населения Белоруссии и России к союзу двух государств. Отношение российских и белорусских респондентов к идее объединения России и Белоруссии носило позитивный характер. Около 60 % граждан России и Беларуси были за союзное государство, 20 % – против, остальные воздержались.

В 2009 г. схожие социологические опросы провели ВЦИОМ и Институт социологии НАН Беларуси. За равноправный союз двух государств, с созданием наднациональных органов управления, высказались порядка 40 % белорусских и российских респондентов. Таким образом, за десять лет уровень поддержки идеи интеграции снизился, но все еще сохраняется на высоком уровне.

По данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ), в 2009 г. подавляющее большинство белорусских граждан (81 %) считали, что в настоящее время интересам страны больше всего соответствует тесное сотрудничество с Россией. По данным ВЦИОМ, в июне 2009 г. 75 % опрошенных россиян высказались за дальнейшее сближение с Беларусью. Таким образом, мнения белорусов и россиян совпадают, доброжелательное взаимоотношение населения двух стран остается доминантным [3].

Одной из основных причин уменьшения поддержки общественным мнением интеграционных процессов являются информационные кампании, которые вносят в массовое сознание сомнения о необходимости интеграционных процессов.

Интеграция российского и белорусского государств является задачей, от решения которой напрямую зависит обеспечение безопасности и сохранение национальной самобытности наших народов. Экономическая, геополитическая, социокультурная взаимовыгодность построения Союзного государства Беларуси и России не вызывает сомнений у большинства социологов, экономистов, политиков двух стран. Плюсы и минусы союзного государства можно подсчитать, однако надо понимать, что эти подсчеты носят приблизительный характер и зависят от того, кто как считает [1].

В российско-белорусской интеграции центральное значение в политическом поле взаимодействия имеет поиск максимально возможного сближения, без негативного воздействия на внутреннюю структуру и устройство обеих стран. В связи с этим процессы российско-белорусской интеграции требуют нового осмысления и должны носить прогнозно-поисковый характер при выработке сбалансированной модели поведения, устраивающей обе стороны. Главной це-

лью должна быть ориентация не на расширение союзного государства, а на повышение эффективности его деятельности и превращение в жизнеспособную и привлекательную модель интеграции.

Библиографический список

1. Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм / пер. с нем. – М. : Республика, 1998. – С. 185–186.
2. Ковалева Э. В. Российско-белорусские отношения: тенденции развития : автореф. дис. ... к.п.н. – М., 2010.
3. Локосов В. В. Союзное государство Беларуси и России в общественном мнении двух стран // Научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Вып. II. – Мн. : ЦСА и СИ НАН Беларуси, 2011. – С. 148–155.
4. Соколова Г. Н. Социальная политика и экономическая стратификация общества // Социология. – № 1. – 2006. – С. 42–49.
5. Соколова Г. Н. Политическая интеграция: генезис и перспективы развития (на примере ЕС, СНГ, Союзного государства России и Беларуси) : автореф. дис. ... к.п.н. – Воронеж, 2010. – С. 20.
6. Смищенко Р. С. Проблемы интеграции России и Беларуси // Известия Алтайского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 74–76.
7. Шмаков В. С. Теоретические основания исследований постсоветского социума // Социология. БГУ. – 2006. – № 6. – С. 6–14.
8. Шмаков В. С. Социальные проблемы развития трансформационных процессов в контексте глобализации: Россия – Беларусь // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 2. – С. 200–206.
9. Отношение общественных лидеров и экспертов к белорусско-российской интеграции. URL: www.ucrb.org

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ США И РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Т. А. Сизых

**Финансово-экономический институт Северо-восточного
федерального университета им. М. К. Аммосова, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия**

Summary. The main idea of this article is to show how migration process of rich and developing countries differs. There are some possible reasons which cause increase or decrease of migrations in Russia and the USA. Moreover there are some information about trend on further development of a migration situation.

Kew words: migration attractiveness; out-migration; temporary worker.

Среди всех демографических процессов миграция населения занимает особое место. Возможность моментально реагировать на социально-экономические, политические и другие изменения в обществе приводит к тому, что миграция может активно и быстро воз-

действовать на демографическую ситуацию, уменьшая или увеличивая численность населения, изменяя его половозрастную и семейную структуру.

В качестве примера данного процесса мне хотелось бы рассмотреть миграционную ситуацию в США, так как эта страна в течение многих лет показывает себя в качестве основного направления движения рабочей силы.

В стране происходит сокращение внутренней миграции населения, это говорит о том, что некогда активно перемещавшиеся внутри страны американцы, прочно укрепились на своих местах. Объясняется данное явление тем, что требования работодателей в различных штатах стали одинаковыми, а также информация о потенциальном новом месте жительства стала более доступной благодаря глобальной сети Интернет. Это два главных фактора, по мнению американских исследователей, которые сдерживают миграцию трудовых ресурсов. Что касается миграционных процессов в России, то в 90-е гг. она из страны с высоким оттоком населения, превратилась в экономический район с наибольшей миграционной привлекательностью. Это объясняется большим притоком трудовых ресурсов из стран СНГ и Балтии.

В Республике Саха (Якутия) значение миграции для республики особенно велико, так как она является открытым регионом со свободным и интенсивным миграционным обменом. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли трудоспособного населения в потоках прибытий и выбытий как во внешней для республики миграции, так и во внутриреспубликанских перемещениях.

Таблица 1

**Динамика численности населения Республики Саха (Якутия)
за период 2004–2009 гг.**

Годы	Всего	Город	Село
2004	963	624,7	338,3
2005	958,7	627,8	330,9
2006	954,4	625,1	329,3
2007	953,2	624,3	328,9
2008	951,1	623,1	328
2009	950	622,9	327,1

Судя по данным таблицы 1, в республике существует проблема большого оттока населения из сельской местности в города и рабочие поселки. Основную часть в миграционных потоках во внутрирегиональном обмене составляет молодежь 16–29 лет, направляющаяся в города республики для получения образования, овладения профессией, для трудоустройства, создания семей. Главными при-

чинами миграции сельского населения являются неудовлетворенность условиями труда и бытом в сельской местности.

Библиографический список

1. Сукнев С. Ф. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия). URL: http://www.spatial-economics.com/images/spatial-economics/1_2008/sukneva2008.pdf
2. R. A. America settles down : журнал The Economist. URL: <http://www.economist.com/blogs/freeexchange/2012/07/labour-mobility>

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БРАКОВ С ИНОСТРАНЦАМИ ДЛЯ РОССИИ

С. В. Колударова

Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия

Summary. Abstracts disclose vectors of demographic consequences of marriages with foreigners in Russian society. The author distinguishes gender trends and demographic impact, justifies the possible ways to reduce them.

Key words: marriages with foreigners, demographic crisis, demographic impact, social reproduction, marriage migration.

В современном российском обществе активно развивается такая форма брака, как межнациональные браки с иностранным партнером (браки с иностранцами), где брачный партнер является представителем государства дальнего зарубежья.

Рассмотрим браки с иностранцами как социальное явление, развивающееся на фоне существующего демографического кризиса российского общества. Статистические данные постоянно констатируют факты уменьшения численности населения России. По прогнозам ООН, к 2025 году трудоспособное население России сократится на четырнадцать миллионов человек, а число пенсионеров увеличится на пять миллионов. По данным директора Института демографии ГУ ВШЭ Анатолия Вишневого, «среди населения трудоспособного возраста необходимо пропагандировать сознательное отношение к своему здоровью» [3].

Россияне, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, выделяют среди наиболее острых демографических проблем и проблему распада традиционной семьи, роста числа разводов и внебрачных связей (27 %) [2]. При этом данная проблема у женщин вызывает тревогу чаще, чем у мужчин (31 % и 21 %). Безусловно, данный факт определенным образом способствует увеличению числа браков россиян с иностранцами на территории России, в этой связи можно выделить ряд аспектов демографических по-

следствий данной формы брака для России. Во-первых, как показывают статистические данные органа ЗАГС по городу Москве и другим регионам России, среди зарегистрированных браков с иностранцами преобладают браки женского населения России. Например, в процентном распределении браки российских женщин с мужчинами-иностранцами, по данным анализа данных Дворца бракосочетания № 4 в городе Москве, составляют в среднем 91 %, а российских мужчин с женщинами-иностранками – 9 %. С позиции демографического аспекта женщины являются основными участниками процесса социального воспроизводства человеческого рода. Таким образом, нормативная значимость репродуктивной функции женщины – пополнять человеческими ресурсами российское общество – нарушается.

Во-вторых, межнациональные брачные союзы с иностранным партнером в большинстве случаев ориентированы на проживание вне России. Таким образом, российские женщины либо сразу после брака с иностранцем эмигрируют из России, либо в перспективе планируют уехать за границу. Это обстоятельство реально показывает, что российские женщины, вступающие в брак с иностранцами, способствуют понижению демографических показателей пополнения российского общества человеческими ресурсами. Отъезд российских женщин за границу в качестве жен можно рассматривать как процесс утечки российского населения. При этом десятая часть населения России придерживается мнения, что прекращение утечки русского населения за рубеж является одной из мер выхода России из демографического кризиса [2].

В-третьих, русские женщины именно репродуктивного возраста представляют наибольший интерес для иностранных брачных партнеров. Как показали результаты контент-анализа межнациональных брачных объявлений [1], мужчины-иностранцы указывают возраст желаемого партнера (русской женщины) в пределах 21–30 лет в 27,9 % случаев и 31–40 лет в 21,2 % случаев. Таким образом, женщины детородного возраста покидают границы России, что способствует повышению рождаемости, но уже на «чужой» территории – пополнению человеческими ресурсами иностранного общества, а не российского. При этом большинство россиян (60 %) считают именно повышение рождаемости коренного населения страны главным условием выхода России из демографического кризиса. Это главный потенциал государства по обеспечению воспроизводства человеческих ресурсов. По мнению директора центра по изучению проблем народонаселения Владимира Архангельского, «необходимо поднимать престиж семьи и профессии «мамы» как меры повышения демографического потенциала России». Таким образом, необходимо разрабатывать рекомендации на государственном уровне, чтобы брачные союзы россиянок с иностранцами не покидали Россию и

улучшали ее демографическую реальность. Необходимо исследовать особенности социальной адаптации брачных союзов с иностранцами на территории России и вырабатывать меры содействия по уменьшению брачной миграции населения.

Библиографический список

1. Корнеева С. В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ : дис. ...канд. соц. наук. – М., 2007. – С. 110.
2. Пути решения демографической проблемы // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 460 от 1 июня 2006 года. URL: www.vciom.ru
3. Россиян становится все меньше и меньше // «Метро» : газета. – 2009. – № 10 (58/1790) от 28 апреля. – С. 4. URL: www.metronews.ru

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2013 году**

15–16 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.13)

17–18 января 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.13)

20–21 января 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.13)

25–26 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.13)

1–2 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.13)

5–6 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.13)

10–11 февраля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.13)

15–16 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспективы»** (К-02.15.13)

20–21 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.13)

25–26 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.13)

1–2 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.13)

5–6 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.13)

10–11 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.13)

13–14 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.13)

15–16 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.13)

20–21 марта 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.13)

25–26 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.13)

28–29 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.13)

1–2 апреля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.13)

5–6 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.13)

7–8 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии, психолингвистики»** (К-04.07.13)

10–11 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.13)

15–16 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.13)

20–21 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.13)

22–23 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.13)

25–26 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»** (К-04.25.13)

28–29 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.13)

2–3 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.13)

5–6 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.13)

10–11 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция «**Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире**» (К-05.10.13)

15–16 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция «**Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия**» (К-05.15.13)

22–23 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция «**Модели развития психологического универсума человека**» (К-05.22.13)

25–26 мая 2013 г. III международная научно-практическая конференция «**Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества**» (К-05.25.13)

1–2 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция «**Социально-экономические проблемы современного общества**» (К-06.01.13)

3–4 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция «**Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии**» (К-06.03.13)

5–6 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция «**Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты**» (К-06.05.13)

7–8 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция «**Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи**» (К-06.07.13)

10–11 сентября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция «**Проблемы современного образования**» (К-09.10.13)

15–16 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция «**Новые подходы в экономике и управлении**» (К-09.15.13)

20–21 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция «**Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы**» (К-09.20.13)

25–26 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.13)

28–29 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.13)

1–2 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.13)

5–6 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.13)

10–11 октября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-10.10.13)

15–16 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.13)

20–21 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.13)

25–26 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.13)

28–29 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

5–6 декабря 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пен-

за, Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике.

Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу*.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премиум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий



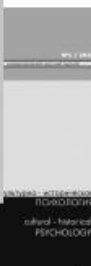
ЖУРНАЛЫ ПО ПСИХОЛОГИИ **online**



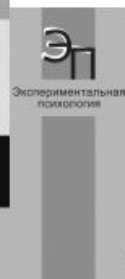
Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.



Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.



Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.



Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- + Удобно
- + Выгодно
- + Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/



ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Материалы III международной научно-практической
конференции 5–6 ноября 2012 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 23.11.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 6,5 п. л.
Усл.-печ. л. 6,05 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 50/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в.
тел. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09